

Ю. Барановский

Д. С. Мережковский

ДВѢ ТАЙНЫ РУССКОЙ
ПОЭЗИИ

Некрасовъ и Тютчевъ

1915

ДВѢ ТАЙНЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

О Тютчевѣ, какъ о великомъ поэтѣ, заговорилъ, первый, Некрасовъ.

Въ 1850 г., въ январьской книжкѣ «Современника», напечатана статья «Русскіе второстепенные поэты». — «Второстепенные,—объясняетъ Некрасовъ,—не по степени достоинства, а по степени извѣстности». Тогда еще самое имя Тютчева не было извѣстно: въ Пушкинскомъ «Современникѣ» 30-хъ годовъ онъ подписывалъ «Ө. Т.».

По поводу «Осенняго вечера»:

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть...

—«каждый стихъ хватаетъ за сердце,—говорить Некрасовъ,—какъ хватаютъ за сердце въ иную минуту беспорядочные, внезапно набѣгающіе порывы вѣтра; ихъ и слушать больно, и перестать слушать жаль».

Недаромъ услышалъ Некрасовъ у Тютчева эти звуки вѣтра осенняго: вѣдь, его же собственная пѣснь родилась изъ той же музыки:

Если пасмуренъ день, если ночь не свѣтла,
Если вѣтеръ осенній бушуетъ...

Изъ той же музыки вѣтра ночного:

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?

Для Некрасова—о мукѣ рабства, о волѣ человеческой; для Тютчева—тоже о волѣ, но иной, нечеловѣческой—о «древнемъ хаосѣ».

«Впечатлѣніе, которое испытываешь при чтеніи этихъ стиховъ,—продолжаетъ Некрасовъ,—можно сравнить съ чувствомъ, какое овладѣваетъ человѣкомъ у постели молодой умирающей женщины, въ которую онъ былъ влюбленъ.

Смерть и влюбленность. Вся природа—сквозь смерть и влюбленность.

О, ты, послѣдняя любовь,
Ты и блаженство, и безнадежность!

Этими двумя намеками— на бурю смерти, бурю хаоса, и на влюбленность, начало космоса—проникаетъ Некрасовъ въ тайну Тютчева, какъ никто изъ критиковъ.

«Вотъ почему мы нисколько не задумались поставить *Э. Т.* рядомъ съ Лермонтовымъ»,—заключаетъ Некрасовъ. Пушкинъ, Лермонтовъ, Тютчевъ—три вершины, три истока русской поэзіи,—это онъ первый увидѣлъ.

Достоевскій въ надгробной статьѣ о Некрасовѣ поставилъ не Тютчева, а самого Некрасова «прямо вслѣдъ за Пушкинымъ и Лермонтовымъ, въ ряду поэтовъ, приходившихъ съ новымъ словомъ». И ужъ, конечно, недаромъ вспомнилъ Достоевскій Тютчева по поводу Некрасова: понималъ или предчув-

ствовалъ, что эти двѣ крайности, двѣ тайны русской поэзіи сходятся.

Тютчевъ и Некрасовъ—воплощенное отрицаніе и утвержденіе русской революціонной общественности—это, въ самомъ дѣлѣ, два полюса, которыми опредѣляется вся грозивая сила, всѣ магнитные токи русской поэзіи, а, можетъ быть, и русской дѣйствительности. Вѣдь, именно Тютчевъ для насъ, «дѣтей»,—то же, чѣмъ былъ Некрасовъ для нашихъ «отцовъ»: не только поэтъ, но и пророкъ, учитель жизни.

Жить по Тютчеву значитъ умереть для Некрасова; жить по Некрасову значитъ не родиться для Тютчева. Некрасовъ и Тютчевъ встрѣчаются въ нашихъ сердцахъ, какъ враги на полѣ битвы; какъ солнце и мѣсяцъ:

Смотри, какъ днемъ туманисто-бѣло
Чуть брезжить въ небѣ мѣсяцъ свѣтозарный;
Наступитъ ночь и въ чистое стекло
Вольетъ елей душистый и янтарный...

Во дни Некрасова, въ морозно-солнечные дни русской общественности, въ рабочіе будни 60-хъ годовъ, не видно было Тютчева, какъ дневного мѣсяца:

Весь день, какъ облакъ тощій,
Онъ въ небесахъ едва не изнемогъ;
Настала ночь—и свѣтозарный богъ
Сіяетъ...

Настала ночь Некрасова—и засіялъ Тютчевъ.

Ночью люди спятъ; бодрствуютъ и ви-

дять немногіе. Эти немногіе, увидѣвшіе Тютчева—Пушкинъ, Тургеневъ, Л. Толстой, Достоевскій, Некрасовъ и, наконецъ, мы, «декаденты», «дѣти ночи», по преимуществу. Хорэгъ, запѣвало всей новѣйшей русской поэзіи, пѣвецъ пѣвцовъ—Тютчевъ.

Онъ—сверстникъ и почти ровесникъ Пушкина. Что *Silentium* написано въ 30-хъ годахъ (напечатано въ «Молвѣ», въ 1835 г.) и, слѣдовательно, почти современно «Евгенію Онѣгину», этому трудно повѣрить,—до такой степени оно сегодняшнее, завтрашнее.

Для чувства и воли нѣтъ времени: они движутся въ вѣчности; только мысль, сознание—во времени. Чѣмъ сознательнѣе, тѣмъ современнѣе. Тютчевъ поэтъ сознанія,—вотъ почему онъ «современнѣйшій изъ современниковъ».

«Поэзія, прости Господи, должна быть глуповата», — говаривалъ Пушкинъ. «Глуповата» — непосредственна, нечаянна, безсознательна. Тютчевъ доказалъ, что поэзія можетъ и не быть «глуповатою», что ей ума бояться нечего. Пушкинъ уменъ, но его поэзія не столько умная, сколько мудрая, вѣщая. Его сознаніе уже не наше. Вотъ почему онъ вѣченъ, но не современенъ. Именно здѣсь, въ сознаніи нашемъ, Тютчевъ современнѣе Пушкина.

Современнѣйшая изъ всѣхъ наукъ, можно сказать, источникъ всей нашей современности,—гносеологія, ставящая вопросъ о возможности религіознаго опыта, религіознаго

вѣдѣнія, гнозиса. Это «Сэзамъ отворись» всѣхъ дверей къ будущему. Знать или не знать—быть или не быть современнаго человѣчества.

Тютчевъ не гносеологъ въ отвлеченномъ смыслѣ. Какъ всѣ поэты, онъ существо крылатое: не лазаешь по діалектическимъ лѣстницамъ, а летаетъ и видитъ подъ собою уступы ихъ въ бездонныхъ пропастяхъ сознанія.

Нѣкогда чувство разлагалось мыслью, вѣра — знаніемъ. Теперь не такъ: мы поняли, что есть глубина чувства, глубина вѣры—именно тамъ, гдѣ вѣра и чувство соприкасаются съ волею—ни для какой мысли неразложимая. Свѣтъ сознанія, какъ свѣтъ исполинскаго прожектора, только углубляетъ мракъ безсознательнаго, мракъ чувства и воли.

Die Nacht ist tief
Und tiefer, als der Tag gedacht.
Ночь глубока,
И глубже, чѣмъ думалъ день.

(Ницше).

Чѣмъ ярче свѣтъ, тѣмъ мракъ бездоннѣе. Потому-то и близокъ намъ, современенъ Тютчевъ, что онъ соединяетъ, какъ никто, высшую сознательность съ глубочайшею стихійностью. «Мысль его,—говоритъ Тургеневъ,—какъ огненная точка, вспыхиваетъ подъ вліяніемъ глубокаго чувства». Глубина чувства—глубина мысли; огненность чувства—огненность мысли.

Ich singe wie der Vogel singt,—

это самое невѣрное, что можно сказать о Тютчевѣ. Онъ менѣе всего невиненъ птичьей невинностью. Птица не знаетъ, о чемъ поеть; онъ знаетъ или, по крайней мѣрѣ, хочетъ знать (потому что иногда знать нельзя). Сквозь него, человѣка, какъ сквозь рупоръ, говорятъ стихіи нечеловѣческія:

Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердятъ о непонятной мукѣ,
И ноютъ, и взрываютъ въ немъ
Порой неистовые звуки.

Понятное о непонятномъ, сознательное о бессознательномъ—въ этомъ вся поэзія Тютчева, вся поэзія нашей современности: красота Вѣдѣнія, Гнозиса.

Тамъ, гдѣ Л. Толстому и Достоевскому нужны цѣлые эпосы, Тютчеву достаточно нѣсколько строкъ; солнечныя системы, туманныя пятна «Войны и Мира», «Братьевъ Карамазовыхъ» сжимаетъ онъ въ одинъ кристалль, въ одинъ алмазь. Вотъ почему критика такъ беспомощно бьется надъ нимъ. Его совершенство для нея почти непроницаемо. Этотъ орѣшекъ не такъ-то легко раскусить: глазъ видитъ, а зубъ нейдетъ. Толковать Тютчева—превращать алмазь въ уголь.

Мысль дѣлаетъ его всемірнымъ, ибо существо мысли всемірно. Пушкинъ, даже въ лучшихъ переводахъ, непонятенъ для нерусскихъ; онъ только для насъ, и з н у т р и всеміренъ. Тютчевъ, если бы его перевести, какъ

слѣдуетъ, былъ бы такъ же понятенъ, какъ Л. Толстой и Достоевскій: онъ и для міра, и з в н ѣ всеміренъ.

И вотъ, современнѣйшій, всемірнѣйшій изъ русскихъ поэтовъ остается въ Россіи невѣдомымъ. Если читатели знаютъ имя его, то развѣ только по школьнымъ хрестоматіямъ: «Люблю грозу въ началѣ мая», да «Пошли, Господь, свою отраду». Года два-три назадъ, нельзя было достать въ книжныхъ лавкахъ «Стихотвореній» Тютчева. Представьте себѣ, что въ Россіи нельзя достать Л. Толстого и Достоевскаго; а, вѣдь, Тютчевъ для русской лирики сдѣлалъ почти то-же, что они—для русскаго эпоса. Тутъ, конечно, виновато наше невѣжество, одичаніе критики. Но не только это.

Великія силы въ мірѣ духовномъ, такъ же какъ въ вещественномъ, дѣйствуютъ невидимо. Никто не видитъ радія, но онъ во всемъ живомъ: такъ Тютчевъ—въ насъ, во всѣхъ; невидимъ, невѣдомъ, но не бездѣйственъ. Мы его не знаемъ, но имъ живемъ. Не видимъ его, какъ пойманныя мухи не видятъ стекла, о которое бьются. Влечемся къ нему, идемъ на него, какъ лунатики съ закрытыми глазами идутъ на лунный свѣтъ. И, можетъ быть, именно тѣ, кто менѣе всѣхъ видитъ его, влекутся къ нему болѣе всѣхъ. Гдѣ-то незримо, неслышно колдуетъ колдунъ, и всѣ живутъ подъ этимъ колдовствомъ.

Немногіе знаютъ высшую математику; но, если бы вынуть ее изъ человѣческаго знанія,—лицо земли измѣнилось бы: телеграфы,

телефоны умолкли бы, аэропланы перестали бы летать. Легко понять связь высшей математики съ механикой, съ движеніемъ звука по телеграфной и телефонной проволокаѣ или съ полетомъ аэроплана. Труднѣе понять связь «Критики чистаго разума» съ мыслью умирающаго о томъ, что тамъ, за гробомъ, или съ шопотомъ влюбленнаго. А между тѣмъ, если бы вынуть Канта изъ нашего мышленія—что-то измѣнилось бы въ нашихъ предсмертныхъ мысляхъ и въ нашемъ влюбленномъ шопотѣ. Самое сильное—самое тихое. Тише всѣхъ, сильнѣе всѣхъ русскихъ поэтовъ—Тютчевъ.

Русская поэзія больна, потому что больна Россія. Больна, заражена, отравлена. Чистѣйшій кристалль этого яда или чистѣйшая культура этой бациллы—въ Тютчевѣ. И никто не знаетъ о немъ, какъ зараженные не знаютъ о первомъ больномъ.

Это—зараза наследственная, отъ отцовъ къ дѣтямъ: съ молокомъ матери мы всасываемъ въ себя Тютчева, но не помнимъ его, какъ взрослые не помнятъ вкуса молока матерняго.

Трудно больному судить о болѣзни: такъ трудно намъ судить о Тютчевѣ, быть къ нему справедливыми; а можетъ быть, и не слѣдуетъ. Быть справедливымъ, только справедливымъ—значить быть неподвижнымъ. Двигаться—нарушать равновѣсіе, нарушать справедливость. Будемъ же не только справедливы къ Тютчеву, будемъ любить и ненавидѣть его до конца,—иначе не поймемъ, а

понять его намъ нужно: понять его значитъ выздоровѣть.

Лучше всѣхъ врачей больной знаетъ боль свою, потому что знаетъ ее и з н у т р и: такъ мы знаемъ Тютчева лучше всѣхъ критиковъ. Мы уже не ошибемся, какъ Вл. Соловьевъ; не примемъ за повареную соль кристаллы цианистаго кали.

Вотъ вчерашній русскій интеллигентъ общественникъ, эсъ-декъ или эсъ-ерь, говорившій на революціонныхъ митингахъ 1905 года, сегодня разочаровался, уединился и замолчалъ,—захотѣлъ «быть какъ солнце», по Бальмонту, «полюбилъ себя, какъ Бога», по З. Гиппиусъ. Это смѣшно и грустно,—можетъ быть, даже страшно. Но это такъ: самоубійство и самоубійственное одиночество сейчасъ въ Россіи—такое же «бытовое явленіе», какъ смертная казнь. Кто же это сдѣлалъ? Русскіе декаденты—Бальмонтъ, Блокъ, Брюсовъ, Бѣлый, З. Гиппиусъ? Да, они. Но черезъ нихъ—Тютчевъ.

А самоубійцы такъ и не знаютъ, что цианистый кали, которымъ они отравляются, есть Молчаніе, *Silentium*:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои...
Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй...

Его болѣзнь — наша: индивидуализмъ, одиночество, безъобщественность. Но почему же и самый общественный изъ русскихъ поэтовъ, Некрасовъ, тянется къ Тютчеву? И что значитъ это совпаденіе русскихъ дека-

дентовъ съ Некрасовымъ? На какой глубинѣ происходитъ оно, видно уже по тому, что здѣсь, въ оцѣнкѣ Тютчева, Некрасовъ совпалъ не только съ декадентами, но и съ Пушкинымъ, началомъ всѣхъ началъ.

Не будетъ ли и въ концѣ того же, что было въ началѣ? Если сейчасъ Некрасовъ и Тютчевъ такъ враждебны въ насъ, то не примирятся ли въ дѣтяхъ или внукахъ нашихъ? Вопросъ о нашемъ будущемъ не есть ли этотъ вопросъ о соединеніи Тютчева съ Некрасовымъ?

ТАЙНА НЕКРАСОВА

I

Нужно ли сейчас говорить о Некрасовѣ?
Мы любимъ справлять юбилеи и ждемъ для нихъ годовщинъ, совпаденія чиселъ. Но бываютъ годы вѣщія не въ памяти чиселъ, а въ памяти сердца. Кажется, именно сейчасъ, такая годовщина наступаетъ для Некрасова.

Нужно вспомнить о немъ, если нужно вспомнить о любви къ народу и о любви къ свободѣ, какъ о единой любви, нераздѣльной, хотя и вѣчно раздѣляемой, особенно, у насъ, въ Россіи, въ наши дни.

Огненное крещеніе народовластія въ свободѣ совершилось на Западѣ уже окончательно. Тамъ демократія можетъ измѣнять себѣ, вырождаться, изъ льва дѣлаться кошкою, строить на потухшемъ вулканѣ удобныя лавочки, продавать свое первородство за чечевичную похлебку мѣщанства,—но соединиться съ рабствомъ сознательно, религіозно, не за страхъ, а за совѣсть, не можетъ, если бы даже хотѣла. А въ Россіи можетъ. Что русское народолюбіе и свободолюбіе—не одно и то же, видно по нашей литературѣ художественной.

85-0119

Это—литература народолюбивая, народническая въ большей степени, чѣмъ какая-либо иная. Въ народѣ ищетъ она высшей правды, сначала эстетической (Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь), затѣмъ религіозной (Л. Толстой, Достоевскій). Но религіозная правда народа—христіанство восточное, созерцательное—правда міра нездѣшняго. Чувство свободы человѣческой, какъ чувство религіозное, въ этой правдѣ отсутствуетъ. Всю родную землю «въ рабскомъ видѣ Царь Небесный исходилъ, благословляя». И рабство вида, тѣла Христова, вмѣстѣ съ духомъ Его принимается народомъ, какъ неизбежное, почти желанное. Христосъ не выкупилъ людей изъ рабства. «Господь терпѣлъ и намъ велѣлъ».—«Рабы повинуйтесь господамъ вашимъ». Свобода безъ Бога, свобода, какъ бунтъ—«русскій бунтъ, безсмысленный и беспощадный». Свобода безъ Бога, или Богъ безъ свободы. Эта религіозная стихія православія отразилась и на русскомъ сознаниі, на русской литературѣ.

Крѣпостное право—колыбель ея. Пеленами рабства повита, молокомъ рабства вскормлена. Можно сказать, что Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій родились и умерли въ томъ положеніи тѣла и духа, въ которомъ старинный придворный пиита, съ одою въ рукахъ, ползъ на колѣняхъ къ трону.

Пушкинъ всталъ на-ноги. Началъ одой Вольности, но обжогшись на молоко, потомъ всю жизнь дулъ на воду. Замѣнилъ свободу общественную свободой личною, свободой

художника: «Ты царь: живи одинъ». А «политика только для черни, для сволочи»: «la politique n'est faite que pour la canaille». Но Пущинъ, Рылѣевъ, Пестель—неужели «чернь»? Узнавъ о 14-мъ декабря, поэтъ выѣхалъ изъ Михайловскаго, а когда заяцъ перебѣжалъ ему дорогу,—вернулся обратно. Не захотѣлъ быть мученикомъ. У него была иная судьба—и благо ему, благо намъ, что онъ исполнилъ ее: мучениковъ много у насъ, Пушкинъ—одинъ.

Не захотѣлъ быть вольнымъ мученикомъ и сдѣлался невольнымъ. Когда гробъ его, покрытый рогожею, съ двумя жандармами, везли тайкомъ изъ Петербурга въ Михайловское, можетъ быть, по той самой дорогѣ, которую перебѣжалъ ему заяцъ 14 декабря,—оказалось, что политика въ Россіи—не только для черни.

Гоголь—уже мученикъ вольный. Самъ себя замучилъ, замуровалъ. «Переписка съ друзьями»—отказъ отъ свободы, отъ воздуха. Проклялъ свой смѣхъ освобождающій, даръ Божій, какъ даръ дьявола. Испугался свободы до-смерти.

Лермонтовъ не испугался бы, но умеръ,—задохся, какъ пламя взрыва безъ воздуха.

Тургеневъ бѣжалъ, измѣнилъ Россіи, чтобы не измѣнять свободѣ. «Я всегда былъ постепенцемъ, либераломъ стараго покроя въ англійскомъ, династическомъ смыслѣ, человѣкомъ, ожидающимъ реформъ только свыше, принципіальнымъ противникомъ

революціи, не говоря уже о безобразіяхъ послѣдняго времени»,—писалъ онъ въ 1880 г.

Всю силу своего художественнаго и религіознаго творчества употребилъ Достоевскій на то, чтобы доказать, что русскій народъ не хочетъ свободы общественной, что существующій въ Россіи порядокъ—религіозно-истинный; чтобы доказать, что гдѣ Духъ Господень, тамъ нѣтъ свободы; что освобожденіе, какъ его понимаетъ Западъ, есть отступленіе отъ Бога — «человѣкобѣжество», а русскій народъ—«богоносецъ», именно здѣсь, въ религіозной правдѣ православія—въ отреченіи, терпѣніи, смиреніи: «смирись, гордый человѣкъ!» Любовь Достоевскаго—любовь безъ свободы—не любовь, а жалость. Чтѣ ему ближе социализмъ старца Зосимы, любящій, или социализмъ Великаго Инквизитора, жалѣющій,—мы такъ и не знаемъ. Тутъ загадка или западня, въ которую онъ ловить насъ, а можетъ быть, и самъ ловится.

Одна черта отдѣляетъ Л. Толстого отъ любви освобождающей, но черта заколдованная. «Непротивленіе злу насильемъ»—вѣчная религіозная истина, но въ иномъ порядкѣ историческомъ, нежели тотъ, въ которомъ мы сейчасъ находимся. Это цѣль, предѣлъ, указаніе компасной стрѣлки, а не средство, не путь, не движеніе корабля въ морѣ. Не надо насилья,—это мы всѣ знаемъ, этого мы всѣ хотимъ, но какъ этого достигнуть—вотъ вопросъ. Личнымъ подвигомъ—отвѣчаетъ Толстой. Только личнымъ?—Да, только.—А политика, общественность? — «Поли-

тика—для сволочи. La politique n'est faite que pour la canaille». Легкій отвѣтъ Пушкина Толстой наполнилъ драгоцѣнною тяжестью, но эта драгоцѣнность—кладъ, зарытый въ землю. Къ любви освобождающей онъ ближе всѣхъ бессознательно, а въ сознаніи—дальше всѣхъ отъ нея. Безъобщественность его, мнимая для насъ, для него самого остается подлинной. Его «уходъ» отъ міра,—уходъ и отъ свободы общественной, отъ революціи.

Такъ всѣ уходятъ—въ смерть, въ святость, въ жалость, въ безумье, въ изгнаніе, въ смиреніе, въ недѣланіе—всѣ уходятъ отъ свободы. Свобода страшнѣе, чѣмъ смерть. Утвержденіе, но не освобожденіе народа. Народолубіе, но не свободолубіе.

Какъ будто всей русской литературѣ перебѣжалъ дорогу тотъ пушкинскій заяцъ 14-го декабря, и вся она сказала съ Тютчевымъ:

О, жертвы мысли безразсудной,
Вы уповали, можетъ быть,
Что станетъ вашей крови скудной,
Чтобъ вѣчный полюсь растопить...
Едва дымясь, она сверкнула
На вѣковой громадѣ льдовъ,
Зима желѣзная дохнула,—
И не осталось и слѣдовъ.

Вотъ изъ этой-то крови дымящейся и вышелъ Некрасовъ.

Некрасовъ—явленіе въ русской литературѣ единственное, единственный художникъ, соединяющій любовь къ народу съ любовью къ свободѣ, религіозную правду народную съ

религіозной правдой всечеловѣческой. Расхожденіе этихъ двухъ правдъ и есть именно та мертвая точка, въ которой мы сейчасъ находимся. Освобожденіе наше стихійно, безсознательно; сознаніе наше, слово, литература—неосвободительны. Чтобы сойти съ мертвой точки, надо соединить сознаніе со стихіей, слово съ дѣломъ, русскую литературу съ русскимъ освобожденіемъ. Это соединеніе и началось въ Некрасовѣ.

Вотъ почему надо сейчасъ говорить о немъ; вотъ почему наступаетъ его година вѣщая въ нашихъ сердцахъ, и не мы къ нему, а онъ къ намъ идетъ, какъ будто нежданный, незванный, непрошенный, — хотимъ, не хотимъ, а принять его надо.

Пускай чуть слышенъ голосъ твой...
Но ты воспрянешь за чертой
Неотразимаго забвенья.

Вотъ почему тоскующая тѣнь его бродитъ около насъ, какъ будто хочетъ намъ что-то сказать.

Что же именно?

II

«Я чувствую къ стихамъ Некрасова нѣчто вродѣ положительнаго отвращенія... Отъ нихъ отзываетъ тинной, какъ отъ леща или карпа».—«Пробоваль я на дняхъ перечестъ его стихотворенія... Нѣтъ, поэзія и не ночевала тутъ, и бросилъ я въ уголь это жеванное папье-маше съ поливкой изъ острой водки». Это говоритъ Тургеневъ, а вотъ что говоритъ Л. Толстой:

«Мѣсто Некрасова въ литературѣ будетъ мѣсто Крылова. То же фальшивое простонародничанье и та же счастливая карьера,—попафиль по вкусу времени».

Герценъ находитъ въ стихахъ его «злую сухость».

«Что за талантъ у этого человѣка! И что за топоръ его талантъ!»—воскликаетъ Бѣлинскій.

Ап. Григорьевъ называетъ стихи его «больничными», а другой критикъ—«дубовыми».

«Его можно скорѣе назвать рѣшующимъ публицистомъ, чѣмъ поэтомъ»,—таково среднее общее мнѣніе, выраженное въ одной изъ

надгробныхъ статей, появившихся вскорѣ послѣ смерти поэта.

И время не помогло оцѣнкѣ. Въ 1902 г. Л. Толстой упоминаетъ о «совершенно лишенномъ поэтическаго дара Некрасовѣ». А въ 1911 г. Антоновичъ сдѣлалъ открытіе, что «Некрасовъ не былъ лирикомъ, а только дидактическимъ поэтомъ».

И такъ, Некрасовъ—поэтъ непризнанный. Его, столь близкаго сердцу русскихъ читателей и русской общественности, русская литература художественная выбрасываетъ, выплевываетъ съ отвращеніемъ: этого мы не ѣдимъ; это нечистое. Какое-то чуждое тѣло, существо иной породы, иного міра выходець, втируша, безобразный утенокъ въ курятникѣ: не нашъ, не нашъ—заклевать, затравить!

Какая же этому причина?

Причина болѣе глубокая, внутренняя—въ жизненной судьбѣ, въ личности поэта, болѣе внѣшняя—въ его поэзи.

Въ поэзію онъ ввелъ политику, а это грѣхъ непрощаемый, потому что политика—антиэстетика. Вотъ одно изъ общихъ мѣстъ, слишкомъ поспѣшно принятыхъ. Политика—пошлость, «печной горшокъ», а искусство—«божественный мраморъ, кумиръ Бельведерскій». Да, можетъ быть такъ, но можетъ быть и обратно. Именно сейчасъ, на нашихъ глазахъ, утверждение искусства, какъ самодовлѣющей цѣнности, эстетизмъ становится пошлостью, хуже всѣхъ «печныхъ горшковъ»; сейчасъ художникъ могъ бы сказать эстету, какъ Иванъ Карама-

зовъ своему чорту: «нѣтъ, никогда я не былъ такимъ лакеемъ!» А политика, тоже сейчасъ, на нашихъ глазахъ, въ великихъ возстаніяхъ и освобожденіяхъ народныхъ, въ демократіи,—самое грозное и грозное изъ всѣхъ явленій всемірно-историческихъ: если оно не прекрасно, то и гроза тоже.

Мы, такъ называемые «господа»—олимпійцы сомнительные; народы—титаны несомнѣнные. Искусство можетъ быть олимпійскимъ или титаническимъ. А какое прекраснѣе, этого пока еще никто не знаетъ. Не понимать красоты титанической олимпійцамъ свойственно. Но уже и теперь на челѣ демократіи—тотъ же языкъ огненный, знаменіе Духа, какъ нѣкогда на челѣ церкви.

Искусство было соборнымъ—церковнымъ; оно, можетъ быть, будетъ соборнымъ—народнымъ. Сейчасъ искусство только лично въ узкомъ смыслѣ индивидуализма, утвержденія одинокой личности: одинъ говоритъ, всѣ молчатъ,—«народъ безмолствуетъ»; но заговоритъ когда-нибудь, и голосъ его, «подобный шуму водъ многихъ», не будетъ ли тою новою пѣсню, хвалою Всевышнему; которая предсказана, какъ прекраснѣйшее, что можетъ быть людьми достигнуто?

Некрасовъ хотѣлъ сдѣлать искусство всенароднымъ—пусть неудачно, преждевременно,—но все же хотѣлъ, первый и, кажется, донинѣ единственный изъ всѣхъ великихъ русскихъ поэтовъ.

Не я, а Достоевскій называетъ его великимъ, Достоевскій—явный другъ, тайный

врагъ (ибо революціонное народничество Некрасова въ глубочайшихъ метафизическихъ корняхъ своихъ противно Достоевскому): «Некрасовъ, въ ряду поэтовъ, долженъ прямо стоять за Пушкинымъ и Лермонтовымъ»,—говоритъ Достоевскій. И Тургеневъ признался однажды: «а стихи Некрасова, собранные въ одинъ фокусъ, жгутся». Почему же онъ все-таки не выноситъ ихъ,—потому ли, что дурно пахнутъ, или потому, что жгутся?

«Стихи Некрасова дѣйствуютъ, не какъ поэтическое произведеніе, а какъ сама дѣйствительность»,—замѣтилъ кто-то изъ критиковъ, думая, что это хула.

Въ самомъ дѣлѣ, между искусствомъ и дѣйствительностью, изображеніемъ и тѣмъ, что изображается, должна быть черта раздѣляющая, какъ рампа между сценой и зрителемъ. До черты есть то, что есть, а за нею все какъ-будто есть,—не есть, а кажется. Вотъ эта-то черта, это «какъ будто» у Некрасова почти стирается, такъ что трудно иногда отличить то, что есть, отъ того, что кажется. Изображеніе такъ выпукло, что глазъ обмануть, и хочется рукой ощупать предметъ. Но развѣ это хула, а не хвала художнику?

Мой суровый, неуклюжій стихъ!
Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства,
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь...

До такой степени живая, что онъ самъ не знаетъ, что это,—изображенная или настоящая кровь?

Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькій, голодно...

Что это, пѣснь о голодѣ, или самъ голодъ со своимъ страшнымъ волчьимъ воемъ?

«Онъ часто кричалъ или по часамъ тянулъ громко какую-то однообразную ноту, напоминавшую бурлацкую ноту на Волгѣ»,—описываетъ докторъ Бѣлоголовый предсмертную болѣзнь Некрасова. Въ раннемъ дѣтствѣ слышалъ онъ эту «пѣсню, подобную стону», и вотъ, умирающій, затянулъ ее самъ:

Двѣсти ужъ дней
Двѣсти ночей
Муки мои продолжаются
Ночью и днемъ,
Въ сердце твоёмъ
Стоны мои отзываются.

И въ нашемъ сердцѣ то же. Читая это, мы объ искусствѣ не думаемъ: не до того. Слишкомъ живо, слишкомъ больно,—этого почти нельзя вынести. И только потомъ, вспоминая, чувствуемъ, что это предѣлъ искусства, тотъ край, за который оно переливается, какъ чаша слишкомъ полная.

«Онъ былъ очень слабъ,—записываетъ Пыпинъ въ своемъ дневникѣ о той же предсмертной болѣзни Некрасова.—Прочелъ новое стихотвореніе, «Колыбельная пѣсня». Онъ стоялъ на постели на колѣняхъ, въ одной рубашкѣ».

Какъ непохоже на классическихъ поэтовъ, торжественно на лирѣ бряцающихъ; какъ просто, буднично, но и какъ за то подлинно!

Онъ всю жизнь писалъ такъ. «Стихи одолѣли; приходитъ Муза и выворачиваетъ все наизнанку; начинается волненіе, скоро переходящее границы всякой умѣренности,— и прежде, чѣмъ успѣлъ овладѣть мыслью, катаюсь по дивану со спазмами въ груди; пульсъ, виски, сердце бьеть тревогу—и такъ, пока не угомонится сверлящая мысль».

Когда начну писать
Перестаю и спать, и ѣсть.

Какъ непохоже на ясное вдохновеніе Пушкина, «вдохновеніе геометра»!

Кажется, что у музы Некрасова нѣтъ во все лиры, а есть только голосъ. Стихи его, послѣ всѣхъ другихъ, какъ человѣческой голосъ послѣ музыки. Не играетъ, а поетъ; не поетъ, а плачетъ.

Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою...

Это не пѣніе струнъ, а пѣвучесть рыданій.

Въ душѣ кипятъ рыдающіе звуки...

И ни одинаго звука, «подъ которымъ не слышно кипѣнья человѣческой крови и слезъ».

Есть много пѣсенъ, болѣе стройныхъ, плѣнительныхъ, но нѣтъ болѣе рыдающихъ, хватающихъ за сердце.

Словно какъ мать надъ сыновней могилой,
Стонетъ куликъ надъ равниной унылой.
Пахарь ли пѣсню вдали запоетъ,—
Долгая пѣсня за сердце беретъ.

Вотъ эта-то долгая пѣсня и отозвалась въ его анапестахъ и дактиляхъ, такихъ протяжныхъ, пронзительно-унылыхъ и жалобныхъ.

Безконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрая сонныя галки,
Что сидятъ на вершинѣ стога...
Эта кляча съ крестьяниномъ пьянымъ...
Это мутное небо—хоть плачь!

Плачетъ, а любить все это,—только это одно и любить, потому что—

Все, все настоящее русское было,
Что русскому сердцу мучительно-мило.

Превращенное въ пѣснь, это и сдѣлалось поэзіей Некрасова.

Музѣ его не утѣшиться,—

Какъ не поднять плакучей ивъ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

Но если есть красота въ скорби человѣческой, то пѣсни эти прекрасны.

Тускляя краски, блѣдные образы, но зато какіе звуки! Разъ услышавъ, уже никогда не забудешь. «Это разъ пронзаетъ сердце, и на вѣки остается рана».

Бду ли ночью по улицѣ темной,
Бури ль заслушаюсь въ пасмурный день...

Все равно, что дальше,—мы уже этими двумя стихами захвачены, какъ вдругъ услышанной музыкой, или даже не музыкой, а

тѣмъ, изъ чего сама она рождается,—глуби-
ною чувства несказаннаго. Такъ человѣкъ мо-
лодой, здоровый, счастливый, вдругъ, услы-
шавъ вой бури въ осеннюю ночь, вспоми-
наетъ, что есть горе, старость, смерть.

Вообще для Некрасова, какъ для худож-
ника, мѣръ болѣе звученъ, чѣмъ живописенъ
и образенъ. Онъ лучше слышитъ, чѣмъ ви-
дитъ. Слышитъ всѣ звуки міра съ ихъ вѣ-
щимъ смысломъ,—отъ скрипа тюремной
двери,—

Мнѣ самому, какъ скрипъ тюремной двери,
Противны стоны сердца моего,—

до крика журавлей, несущагося въ небѣ,—

Словно перекличка
Хранящихъ сонъ родной земли,
Господнихъ часовыхъ...

Слышитъ всѣ звуки, но чаще всѣхъ—
звукъ вѣтра. Не потому ли, что вѣтеръ—
вольный, а самъ пѣвецъ—пѣвецъ воли по
преимуществу? Вся его поэзія, какъ Эолова
арфа, звучитъ музыкой вѣтра. Изъ вѣтра и
самая пѣсня рождается. То изъ вѣтра осен-
няго:

Если пасмуренъ день, если ночь не свѣтла,
Если вѣтеръ осенній бушуетъ...

То изъ вѣтра весенняго, Шума Зеленаго:

Идетъ гудеть Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ...

Онъ слышитъ, какъ въ снѣжныхъ тунд-

рахъ Сибири, надъ могилой изгнанника,—

Встаютъ смерчи, ревутъ бураны...

И какъ тамъ, во глубинѣ Россіи, гдѣ вѣковая
тишина,—

Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ нивъ,
И выгибаются дугою,
Цѣлуясь съ матерью землею,
Колосья безконечныхъ нивъ.

Слышитъ и послѣднюю бурю освобожденія:

Грянь надъ пучиною моря,
Въ полѣ, въ лѣсу засвищи,
Чашу вселенскаго горя
Всю расплеши!

«Онъ ставитъ цѣну стиховъ своихъ въ
томъ, что ни у кого изъ нашихъ писателей
не говорилось такъ прямо о дѣлѣ»,—за-
писываетъ Пыпинъ слова Некрасова. Да,
«прямо о дѣлѣ»—лучше нельзя выразить
сущность этой поэзіи. Высшая цѣнность ея—
дѣльность, прагматизмъ, какъ мы те-
перь сказали бы.

Лежить на ней дѣльности строгой
И внутренней силы печать.

Въ этомъ—связь Некрасова съ Пуш-
кинымъ, несмотря на всю ихъ противополож-
ность, антиномичность, какъ будто неразрѣ-
шимую. Пушкинъ говоритъ такъ же прямо,
какъ Некрасовъ, хотя и о другомъ дѣлѣ.

«Прямо о дѣлѣ»—значить, правдиво и

просто. Этому завѣту Пушкина—простотѣ и правдѣ душевной, простотѣ и правдѣ художественной—Некрасовъ остается вѣренъ. Стихи его часто бываютъ прозою, часто не умѣетъ онъ сказать того, что хочетъ; но никогда не говоритъ того, что не хочетъ, никогда не лжетъ. Знаетъ, такъ же какъ Пушкинъ, что вѣчно только простое, прекрасно только правдивое.

Отъ внутренней правды—внутренняя сила и крѣпость, то здоровье душевное, во всѣхъ мукахъ несокрушимое, которое также сближаетъ его съ Пушкинымъ. Если Некрасовъ и боленъ, то отнюдь не такъ, какъ, на примѣръ, Тютчевъ, нашъ декадентскій дѣдушка. У того зараза въ крови «mal'aria»:

Люблю сіе незримо

Кругомъ разлитое таинственное зло...

«Люблю зло»,—вотъ чего никогда не сказалъ бы Некрасовъ. Искалѣченъ, изломанъ, но не извращенъ. Боленъ, потому что раненъ: выньте желѣзо изъ раны—и будетъ здоровъ.

«Прямо къ дѣлу»—прямо къ волѣ. Его поэзія волевая, боевая по преимуществу. Мысль и чувство переходятъ въ волю, какъ свѣтъ въ огонь—подъ зажигательнымъ стекломъ. Вотъ почему стихи его «жгутся».

Неуклюжіе, суровые, жесткіе, грубые, тяжкіе. Стихи Пушкина—золотые; стихи Лермонтова—стальные; стихи Некрасова—каменные.

Камни тверды:

Любой попробуй; но огня

Добудешь только изъ кремня.

Вся его поэзія—огонь изъ кремня.

Онъ былъ художникомъ, но не только художникомъ.

Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,

Пѣсня мнѣ мѣшала быть бойцомъ.

Послѣднее, можетъ быть, вѣрно; первое—нѣтъ: безъ борьбы и поэзіи бы вовсе не было.

Въ этомъ онъ, пожалуй, измѣняетъ Пушкину, но не онъ одинъ, а вся русская литература—отъ Гоголя до Л. Толстого и Достоевскаго. Хорошо это или дурно—вопросъ неразрѣшимый въ предѣлахъ оцѣнки только эстетической,—такъ называемаго «искусства для искусства». Что выше, искусство для жизни или жизнь для искусства? Красота олимпійская или титаническая? Художникъ—жрецъ или жертва?

Сравнивать Некрасова съ Пушкинымъ, по силѣ творчества, было бы эстетическимъ промахомъ. Художественныя неудачи Некрасова такъ на-виду, что о нихъ и говорить не стоитъ. Но, вѣдь, и всѣ, по сравненію съ Пушкинымъ, — неудачники. Онъ одинъ — кругъ; всѣ остальные—части круга, незаконченные сегменты или бесконечныя параболы. Какая линія движенія прекраснѣе, бесконечнѣе—кругъ или парабола, путь солнца или путь кометы,—опять вопросъ неразрѣшимый, въ предѣлахъ оцѣнки только созерцательной. Но въ оцѣнкѣ дѣйственной, онъ уже давно рѣшенъ, по крайней мѣрѣ, для насъ, русскихъ читателей.

Наша поэзія—не только поэзія, но и пророчество; не только созерцаніе, но и дѣйствіе. Если ужъ чѣмъ-нибудь жертвовать,—а жертвовать надо, двигаясь, стремясь къ чему-нибудь,—то мы, во всякомъ случаѣ, пожертвуемъ не жизнью искусству; и если самъ поэтъ—жрецъ или жертва, то лучше пусть будетъ жертвою; и если нѣтъ огня безъ пепла, то лучше пусть искусство будетъ пепломъ, а жизнь—огнемъ.

Такъ для насъ, такъ и для Некрасова. И въ этомъ онъ ближе намъ, чѣмъ Пушкинъ; въ этомъ намъ больше по пути съ нимъ.

Пушкинъ у насъ одинъ, какъ первая любовь одна. Никого никогда мы такъ не любимъ. Некрасова мы любимъ и н а ч е, но кого изъ нихъ больше, не знаемъ. Муза Пушкина—наша невѣста; муза Некрасова—наша сестра или мать. Бываютъ минуты, когда мы любимъ сестру или мать больше невѣсты. Кажется, именно сейчасъ такая минута.

Вѣдь и наша суть, суть русской общестственности, та же, что у Некрасова: духъ не созерцательный, а дѣйственный, не жреческій, а жертвенный.

Какъ осажденную крѣпость, нѣкую Ветилую нагорную отъ ассирійскихъ полчищъ, отдѣляетъ русскую интеллигенцію отъ всей Россіи прошлой, а можетъ быть, и настоящей, глубокій ровъ. По сую сторону рва—у насъ—маленькая кучка людей, ненавидящихъ,—любящихъ и ненавидящихъ вмѣстѣ всю Россію прошлую во имя будущей; по ту

сторону—у нихъ—съ Россіей прошлою великая русская литература художественная.

Пушкинъ увидѣлъ ровъ и отступилъ, остался у нихъ. Лермонтовъ—тоже у нихъ, но ни за нихъ, ни за насъ. Гоголь сначала былъ съ нами, но потомъ ушелъ къ нимъ. Тургеневъ—то у насъ, то у нихъ,—вѣчнымъ перебѣжчикомъ. Достоевскій подходилъ къ стѣнамъ крѣпости съ бѣлымъ знаменемъ, но мы его не приняли. Л. Толстого мы звали, но онъ не пошелъ къ намъ.

У насъ—нѣмые воины, которые умѣютъ сражаться и умирать, но пѣть не умѣютъ. И вотъ Некрасовъ далъ голосъ нѣмымъ. Запѣлъ—и подъ пѣсню его легче стало жить и умирать.

И до сихъ поръ онъ нашъ пѣвецъ единственный. Это такъ вѣрно, что если бы съ лица земли исчезла вся русская интеллигенція, то можно бы узнать, чѣмъ она была въ смыслѣ эстетическомъ, не по Л. Толстому, Достоевскому, Гоголю, Пушкину, а только по Некрасову. Въ этомъ смыслѣ Чернышевскій правъ, утверждая, что Некрасовъ «величайшій изъ русскихъ поэтовъ». Величайшій—не для всей Россіи, а для маленькой кучки людей, осажденныхъ въ крѣпости.

И теперь, когда стѣны Ветилуи пали или вотъ-вотъ падутъ, когда ровъ засыпанъ или заваленъ трупами,—все еще бой продолжается, смертный бой въ рукопашную, подъ ту же пѣсню—пѣсню Некрасова.

Свѣйте разумное, доброе, вѣчное...

Старая пѣсня. Не слишкомъ ли старая, обыкновенная? Но, вѣдь, и воздухъ, и вода обыкновенны. Общее мѣсто, но одно изъ тѣхъ общихъ мѣстъ, на которыхъ держится міръ, какъ на законѣ тяготѣнія. Это наша суть—суть русской интеллигенціи,—ее-то Некрасовъ и высказалъ.

Какъ же намъ не любить его? Каковы мы, таковъ и онъ. Если онъ плохъ, значитъ, и мы плохи, но онъ все-таки нашъ, плоть отъ плоти, кость отъ кости, нашъ, единственный. Что же намъ дѣлать, если нѣтъ у насъ другого, лучшаго? Отречься отъ него, значитъ отъ себя отречься. Пока жива русская интеллигенція, живъ будетъ и онъ. «Этотъ человекъ остался въ нашемъ сердцѣ». И на вѣки останется.

Пускай чуть слышенъ голосъ твой...
Но ты воспрянешь за чертой
Неотразимаго забвенья.

Онъ это предрекъ, и теперь, на нашихъ глазахъ, это исполняется.

Мы любимъ справлять юбилеи и для нихъ ждемъ годовщинъ, совпаденія чиселъ. Но существуютъ години вѣщія не въ памяти чиселъ, а въ памяти сердца. Кажется, именно сейчасъ такая годовщина наступаетъ для Некрасова.

III

Некрасовъ — «мерзавецъ». Некрасовъ — «великая дрянь». Некрасову «свойственно надувать людей... Онъ всегда думаетъ скверное». Въ сношеніяхъ съ нимъ «держи камень за пазухой, не довѣряясь его элегическому плачу». Фразы его—«фразы изъ поганныхъ устъ». У него «вонючій цинизмъ». Онъ—«злбно зѣвающій баринъ, сидящій въ грязи». Если «онъ хандритъ», это значитъ: «старый наклевавшійся коршунъ нахохлился, ну, и чортъ съ нимъ!» И въ заключеніе: «не валдайся ты съ этимъ архимерзавцемъ Некрасовымъ».

Это изъ писемъ Тургенева. Тургеневъ и Некрасовъ когда-то были друзьями. Какая черная кошка пробѣжала между ними, мы хорошенько не знаемъ. Кажется, причиной или поводомъ къ ссорѣ были какія-то деньги, которыхъ Некрасовъ не отдалъ Тургеневу.

«Любезный Тургеневъ, на дняхъ я тебѣ написалъ письмо на тему вродѣ: пожалуйста, не вѣрь, что я таскаю платки изъ чужихъ кармановъ»,—извиняется Некрасовъ неловко и жалобно.

— «Лучше бы онъ убилъ меня изъ-за угла!»—говоритъ онъ по поводу слуховъ, распространяемыхъ о немъ Тургеневымъ.

А все-таки любить его.

— «Дай ему Богъ побольше такихъ враговъ, какъ я!»

Продолжаетъ ему писать, надѣясь на примиреніе, когда уже никакой надежды нѣтъ. «Это письмо вынуждено неотступностью мысли о тебѣ. Это тебя насмѣшитъ, но ты мнѣ послѣднія нѣсколько ночей снишься во снѣ».

Другъ моей юности, нынѣ мой врагъ...

—вспоминаетъ о немъ передъ смертью.

Тургеневъ, наконецъ, сжалился, пріѣхалъ къ умирающему. Бывшіе друзья свидѣлись и молча заплакали.

Тургеневъ—первый, но не послѣдній врагъ Некрасова.

«Вотъ тебѣ вполнѣ заслуженная награда за дружбу съ негодяями»,—писалъ Тургеневу Герценъ, по поводу все той же денежной исторіи.

«Некрасовъ до понятія о правѣ высшемъ еще не доросъ, а пріобрѣсти его не могъ по причинѣ того, что выросъ въ грязной положительности и никогда не былъ ни идеалистомъ, ни романтикомъ на нашъ манеръ»,—писалъ Бѣлинскій Тургеневу.

Грановскій, при первомъ знакомствѣ съ Некрасовымъ, «пораженъ непонятнымъ противорѣчіемъ между мелкимъ торгашемъ и глубоко чувствующимъ поэтомъ».

Кто-то замѣтилъ въ немъ «почти чичиковскую способность обходиться съ людьми».

— «Наживетъ себѣ капиталецъ!»—предсказывалъ Бѣлинскій.

Да и всѣ согласны, что онъ—«человѣкъ прожженный и отлично умѣетъ устраивать свои дѣлишки».

«Милліонъ—вотъ демонъ Некрасова,—писалъ Достоевскій въ надгробной статьѣ.— Это былъ самый мрачный и унижительный бѣсъ... Демонъ гордости, жажды самообезпеченія. Я думаю, этотъ демонъ присосался еще къ сердцу ребенка... Демонъ осилилъ человѣка, и человѣкъ никуда не пошелъ».

Достоевскій хочетъ быть великодушнымъ, защитить Некрасова, или хоть кое-какъ проглотить его, но не можетъ—давится.

«Добивать убитыхъ, обходить всесильныхъ, презирать безсильныхъ и идти осторожнымъ шагомъ по битой-перебитой колѣѣ,—вотъ квинтъ-эссенція его журнальной, а отчасти и поэтической дѣятельности». Это изъ газетнаго некролога, появившагося черезъ три дня послѣ похоронъ Некрасова.

Въ родной усадьбѣ его открытъ кабакъ «Раздолье, съ распитіемъ крѣпкихъ напитковъ и на выносъ». На колыбели—кабакъ, а на могилѣ—осиновый колъ. Такова благодарность Россіи Некрасову.

Онъ и самъ это предчувствовалъ:

Свой вѣнецъ терновый приняла,
Не дрогнувъ, обезславленная Муза.

Поэтъ ненавистенъ, а человѣкъ еще нена-

вистнѣе. И причина ненависти къ его поэзіи именно здѣсь, въ его человѣческой личности.

Воръ, плутъ, дѣлецъ, Чичиковъ, а главное, вышелъ изъ грязи и любить грязь,—циникъ, развратникъ, картежникъ. Но, вѣдь, это все грѣхи личные, а ненависть общая, судъ общій и общественный,—и даже не судъ, а казнь, не казнь, а травля.

— «На меня устроена просто облава... за-травить меня хотятъ!»

Всѣ на одного, люди на человѣка, какъ звѣри на звѣря, больного или раненаго: добить, доканать.

Но почему же онъ не защищается? Не потому ли, что совѣсть нечиста?

Когда всѣ кричатъ: «на воръ шапка горитъ!»—онъ хватается за шапку: ну, значитъ, воръ.

— Иванъ Ивановичъ, вы таскаете платки изъ кармановъ?

— Какъ вы смѣете, милостивый государь!..

— Некрасовъ, вы таскаете платки изъ кармановъ.

— Эхъ, отецъ, что платки! Платковъ-то я, пожалуй, не таскаю, да кое-что похуже дѣлаю...

— Ахъ, воръ! Ахъ, негодяй!

«Кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ него камень». Всѣ бросаютъ, потому что всѣ безъ грѣха.

А онъ что? Ничего, молчить. И даже радъ:

И радъ я, если кто-нибудь

Въ меня съ презрѣньемъ броситъ камень.

Чему же радъ?—Да, чему? Вотъ гдѣ тайна Некрасова и, кажется, вообще тайна русской совѣсти.

Я за то глубоко презираю себя...

Все равно, за что,—такихъ признаній дѣлать не слѣдуетъ. Уважай себя, если хочешь, чтобъ другіе тебя уважали; будь человѣкомъ порядочнымъ. А если ты подлецъ, молчи, скрывай, или, по крайней мѣрѣ, «умѣй соблюдать и въ самой подлости отбѣнокъ благородства». Слава Богу, это нынче всѣ умѣютъ; чтобы этого не умѣть, надо быть дуракомъ. А что Некрасовъ—умница, въ этомъ и злѣйшіе враги ему не откажутъ. Онъ ли не устраивалъ своихъ дѣлишекъ? А вотъ главнаго дѣла—дѣла чести не устроилъ. Вездѣ «потрафлялъ», а тутъ не потрафилъ. Въ самую нужную минуту не хватило Чичиковской ловкости. Все плутовалъ, обманывалъ, и вдругъ взялъ, да и ляпнулъ правду, и еще какую: презирайте меня, бейте, я того стою, я самъ себя презираю больше вашего.

Вообще у людей доброе наружу, а злое внутри. У Некрасова наоборотъ.

«Въ немъ не было лицемѣрья. Этого въ немъ никогда не было. Напротивъ, въ немъ былъ скорѣе цинизмъ, чѣмъ притворство»,—замѣчаетъ Л. Толстой. Но какой же безъ притворства Чичиковъ? Чичиковъ на-выворотъ?

Кто-то сказалъ: «такъ называемые порядочные люди хуже воровъ и разбойниковъ».

И еще Кто-то: «мытари и блудницы впередъ васъ идутъ въ царствіе Божіе».

Некрасовъ чувствовалъ себя «мытаремъ», и, когда «порядочные люди», глядя на него, молились: «благодарю Тебя, Господи, что я не какъ сей мытарь»,—онъ только билъ себя въ грудь и шепталъ:

Я за то глубоко презираю себя...

Однажды Тургеневъ писалъ Фету: «застываю и затягиваюсь пленкой, какъ горшокъ съ топленнымъ саломъ, выставленный на холодъ».

Русскіе «порядочные люди»—русскіе обыватели. А вѣдь, пожалуй, русская обывательщина со всею своею добродѣтелью—не что иное, какъ застывающее сало? Мы всѣ ѣдимъ и похваливаетъ. Некрасовъ тоже ѣлъ, но не хвалилъ, а называлъ сало саломъ, обывательскую подлость—подлостью.

Онъ знаетъ не хуже нашего, что стѣны лбомъ не пробьешь. Но нѣтъ у него нашего умѣнья «соблюдать и въ самой подлости отѣнокъ благородства». Его отличие отъ насъ не въ мѣрѣ подлости, а въ мѣрѣ совѣсти, въ мѣрѣ той казни, которой виновный самъ себя казнить: мы казимъ себя, жалѣючи; онъ—безжалостно. Вотъ почему не боится онъ враговъ своихъ:

Что враги?..

Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу.

За какую же вину эта казнь?

За вину рабства, потому что рабство не только несчастье, но и вина.

Муку рабства, какъ муку совѣсти, онъ чувствовалъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ помнить себя. Еще не сознавалъ ее, а уже чувствовалъ, когда ребенкомъ слушалъ стонъ бурлаковъ на Волгѣ и смотрѣлъ на этапы каторжныхъ, проходившихъ подъ окнами родной усадьбы; когда въ ногахъ отца его, исправника, валялся избитый мужикъ, весь въ грязи и въ крови; когда «кругомъ насилье ликовало», «кипѣлъ развратъ волною грязной», а гдѣ-нибудь въ углу, такъ чтобы никто не видѣлъ, сынъ плакалъ, обнявшись съ мученицей-матерью, и зналъ, что мучитель—отецъ.

Онъ выросъ, и мука выросла.

Однажды увидѣлъ, какъ мужикъ бьетъ лошадь «по плачущимъ, кроткимъ глазамъ». Не мерещились ли ему эти глаза, когда онъ думалъ о мученицѣ-матери, о Мученицѣ-Родинѣ? Не оттого ли и загорѣлась въ немъ та страсть къ страданью, о которой говоритъ Достоевскій: «это былъ человекъ, страстный къ страданію»?

Сытые чувствуютъ муку рабства духовно; только голодные чувствуютъ ее кровно, плотски, физически. Такъ именно чувствовалъ ее Некрасовъ.

«Я былъ очень молодъ и очень бѣденъ; видѣлъ голодную смерть лицомъ къ лицу»,—вспоминаетъ онъ о первыхъ годахъ своего петербургскаго житья. Однажды согнали его съ квартиры, и онъ остался одинъ на улицѣ,

безъ ничего, въ плохомъ пальтишкѣ, въ холодную осеннюю ночь; побрелъ, куда глаза глядятъ, не сознавая, куда и зачѣмъ, пробрался на Невскій и сѣлъ тамъ на скамеечку, какія выставляются у ресторановъ для посѣтителей... прозябъ... уснулъ». Подобрали и пріютили нищѣ.

«Ровно три года я чувствовалъ себя постоянно, каждый день голоднымъ». Наконецъ, заболѣлъ. Доктора объяснили причину болѣзни продолжительнымъ голодомъ. Слѣды ея остались на всю жизнь: онъ никогда уже не могъ выздоровѣть, какъ слѣдуетъ. Половину жизни голодень, половину—болень. Одно время обѣдалъ на Малой Охтѣ, въ ужасной кухмистерской, за 15 копѣекъ на троихъ. Умирая, говорилъ, что именно этимъ обѣдамъ обязанъ зародышемъ той болѣзни, которая сводила его, 40 лѣтъ спустя, въ гробъ.

Не лучше рабьяго голода и рабья сытость, рабій хлѣбъ:

Хлѣбъ полей, воздѣланныхъ рабами,
Нейдетъ мнѣ въ прокъ...

Рабство—болѣзнь не только души, но и тѣла. Уже по наслѣдству отъ предковъ кровь въ немъ испорчена. «Во мнѣ мало здоровой крови».

Я плѣшивъ,
Я блѣдень, нервень, я чуть живъ,
Я слабъ и хрупокъ, какъ скелеть...

Вотъ въ этой-то мукѣ рабства, тѣлесной, физической,—особенность Некрасова.

Вся русская художественная литература, отъ Пушкина до Л. Толстого и Достоевскаго,—цвѣтъ и плодъ крѣпостного права, господской сытости,—шла къ народу, склонялась къ нему, какъ спѣлый плодъ къ землѣ, склоняется. Это—демократія сверху, нисходящая; у Некрасова—демократія снизу, возстающая. Эти-то двѣ противоположныя тяги и столкнулись въ немъ, образуя смерчь, въ которомъ человѣкъ и художникъ такъ страшно изломаны.

Можно сказать, оставляя въ сторонѣ всѣ мѣрила духовныя, что Пушкинъ и Л. Толстой вышли изъ физической сытости, а Некрасовъ—изъ физическаго голода. Сытый голоднаго не разумѣетъ: вотъ почему русская литература не уразумѣла Некрасова; вотъ почему онъ для нея иного міра выходецъ. О существѣ этого міра, о святой и страшной тайнѣ его онъ кое-что зналъ, чего не знаютъ ни Пушкинъ, ни Л. Толстой. Не о единомъ хлѣбѣ живъ человѣкъ,—можно сказать, только давъ хлѣбъ голодному, а говорить, отнимая хлѣбъ,—значитъ кощунствовать надъ святостью голода.

Пѣсни наши—пѣсни сытыхъ. Но почему только сытые могутъ пѣть, а голодные должны молчать? Пусть и они запоютъ, а если не могутъ пѣть, то завоюютъ волчьимъ воемъ отъ голода. Некрасиво? Ну, что-жъ, зато правдиво. А вѣдь предметъ искусства—правда.

Некрасовъ далъ голосъ этой нѣмой правдѣ голода.

«Любовь къ народу у него была лишь исходомъ его собственной скорби о себѣ самомъ»,—говоритъ Достоевскій. Нѣтъ, наоборотъ: скорбь о себѣ была лишь исходомъ его любви къ народу. Или вѣрнѣе, скорбь о народѣ и скорбь о себѣ слились въ немъ такъ, что онъ уже не умѣлъ отличить одну отъ другой.

Народъ значитъ рабство, бѣдность, голодъ. Кто въ нихъ, тотъ и въ немъ. Въ этомъ смыслѣ Некрасовъ былъ въ народѣ. Ту бездну, которая отдѣляетъ насъ отъ народа, измѣрилъ онъ не только глазами своими, но и костями—страшнымъ паденіемъ, ломающимъ кости.

Некрасовъ зналъ то, чего мы не знаемъ,—муку рабства тѣлесную; зналъ и то, что мы знаемъ,—муку рабства духовную.

Когда онъ говорилъ о цензурѣ, въ глазахъ его было такое выраженіе, «какъ въ глазахъ смертельно раненнаго звѣря».

До чего могла дойти эта мука, видно по двумъ стихотвореніямъ—Комиссарову, спасителю Александра II отъ Каракозовскаго выстрѣла, и гр. Муравьеву Виленскому, усмирителю Польши. Необходимостью и невозможностью спасти иначе «Современникъ» отъ гибели старались оправдать эти «два невѣрныхъ звука».

Въ стихотвореніи: «Бду ли ночью по улицѣ темной»,—женщина продаетъ себя, чтобы купить «гробикъ ребенку и ужинъ отцу». Такъ продала себя Муза Некрасова.

Этого нельзя оправдать, можно только простить.

«Современникъ» погибъ. Жертва оказалась тѣмъ болѣе страшною, что бесполезною,—чѣмъ-то вродѣ убійства старухи Раскольниковымъ. Для писателя слово—живое созданіе; словоубійство — человѣкоубійство. Но развѣ и цензура не то же самое? И, соглашаясь на нее, не всѣ ли мы въ словоубійствѣ участвуемъ?

Когда за тѣ два невѣрныхъ звука друзья отшатнулись отъ него, а враги обняли—

Пригвождая жирнымъ поцѣлуемъ
Несчастнаго къ позорному столбу,—

въ этомъ для Музы его ничего не было новаго: всегда стояла она у того же позорнаго столба, подъ тѣмъ же кнутомъ.

«Умоляю васъ... отецъ родной... Бога ради... зачѣмъ сѣчь, когда можно не сѣчь!..»—писалъ онъ однажды цензору.

А увидѣвъ на Сѣнной, какъ молодую крестьянку бьютъ кнутомъ, вспомнилъ о своей Музѣ:

И Музѣ я сказалъ: «гляди,
Сестра твоя родная!»

Такова «грязная положительность», изъ которой вышелъ Некрасовъ. Вышелъ, но не ушелъ, не отрекся отъ нея. Ему казалось, что лучше быть «мытаремъ», чѣмъ русскимъ «идеалистомъ и романтикомъ на нашъ манеръ». А если онъ все-таки былъ имъ и больше ничѣмъ, то заплатилъ за это величайшею изъ мукъ человѣческихъ — самопрезрѣніемъ.

Для того, кто испыталъ ее, уже не страшны никакія казни.

Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу.

«Шель я по солнечной сторонѣ Невскаго,— рассказываетъ Фетъ.— Вдругъ въ глаза мнѣ бросилась встрѣчная коляска, за которою я, не будучи въ состояніи различить сѣдока, увидѣлъ запятки, усѣяныя гвоздями. Вспомнивъ стихотвореніе Некрасова на эту тему, я невольно вообразилъ себѣ его негодованіе, если бы онъ, подобно мнѣ, увидѣлъ эту коляску. Каково же было мое изумленіе, когда я узналъ Некрасова...»

Другъ любезный,
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманныхъ книженокъ,
Но не ставь за каретой гвоздей,
Чтобъ, вскочивъ, накололся ребенокъ,—

вспомнилось Фету.

Онъ такъ злорадствуетъ, такъ хочется ему, чтобъ это было, что, пожалуй, онъ могъ увидѣть и то, чего не было.

Но пусть было. Фетъ убѣжденъ, и мы съ нимъ, что въ коляскѣ съ гвоздями не ѣздимъ. Ну, а законы, суды, тюрьмы, смертныя казни—всѣ огражденія собственности—что же такое, какъ не гвозди на запяткахъ?

Некрасовъ когда-то бѣжалъ за коляскою, потомъ сѣлъ и поѣхалъ. Но о томъ, какъ бѣжалъ, не забылъ.

Два Некрасова: одинъ, ставящій гвозди на

запяткахъ; другой, эти же гвозди обличающій.

Какъ съ этимъ жить? А вотъ какъ.

«Точить меня червь, точить. Въ день 20 разъ приходитъ мнѣ на умъ пистолеть, и тотчасъ дѣлается при этой мысли легче».

Жизнь—медленное самоубійство, самоожженіе на тлѣющемъ огнѣ стыда.

Я стою, бездѣйственъ и печалень,
И медленно сгораю со стыда.

А можетъ быть, и мы сгорѣли бы, если бы опомнились? Вѣдь, въ каждомъ изъ насъ есть искра того же стыда сжигающаго:

Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано...

Снять бы хоть гвозди съ коляски? А вотъ суньтесь-ка, попробуйте: какъ шалуны-ребята, наколетесь до-крови.

Умны мы стали: вѣрить міръ
Лишь доблести, запечатлѣнной кровью.

Въ томъ-то и ужасъ нашъ, русскій ужасъ, что нѣтъ у насъ безкровной доблести, нѣтъ середины, постепенности: или сразу подлець, или сразу мученикъ.

Тотъ не герой, кто лавромъ не увить
Иль на щитѣ не вынесенъ изъ боя.

Но что же дѣлать намъ, обыкновеннымъ людямъ, не подлецамъ и не героямъ? А то-

же, что дѣлалъ Некрасовъ,—сгорать, сжигать себя на медленномъ огнѣ стыда.

Огонь стыда—огонь совѣсти. По этой мукѣ мы только и знаемъ, что живы. Для каждаго изъ насъ, русскихъ обывателей, наступаетъ хоть разъ въ жизни, такая минута, когда «совѣсть пѣсню свою запѣваетъ». И тогда уже нѣтъ сомнѣнія, нѣтъ колебанія между двумя станами. Мы можемъ не пойти туда, куда зоветъ совѣсть, но не услышать зова, не отвѣтить на него не можемъ.

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!

Насъ хотѣли увѣрить, что въ этомъ станѣ не любовь, а ненависть, что это станъ разбойничій—стадо свиней, въ которое вошли «бѣсы». Но мы не повѣрили, не забыли, а еслибъ и забыли, то Некрасовъ напомнилъ бы намъ, что именно сейчасъ, въ Россіи, болѣе чѣмъ когда-либо и гдѣ-либо, любовь можетъ быть ненавидящей и ненависть любящей.

Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей.

О связи Некрасова съ величайшимъ явленіемъ русскаго гнѣва и русской любви—съ освобожденіемъ—мы мало знаемъ. Тутъ опять тайна его—и наша съ нимъ. Муза его

молчитъ подъ кнутомъ. Но мы знаемъ, о чемъ она молчитъ, и за это молчаніе, можетъ быть, больше любимъ ее, чѣмъ за всѣя пѣсни.

Не русскій взглянетъ безъ любви
На эту блѣдную, въ крови,
Кнутомъ изсѣченную Музу.

Онъ думалъ такъ, — но такъ ли чувствовалъ?

Его еще покамѣсть не распяли,
Но часъ придетъ—онъ будетъ на крестѣ;
Его послалъ Богъ гнѣва и печали
Рабамъ земли напомнить о Христѣ.

IV

Что русская совѣсть есть явленіе порядка не только нравственнаго, но и религіознаго, — это мы уже начинаемъ понимать. У Некрасова этого пониманія вовсе не было. Его религіозный уровень, по крайней мѣрѣ, сознательный, — тотъ же, что у всѣхъ русскихъ людей средняго интеллигентскаго сознанія. Если бы кто-нибудь изъ литературныхъ единомышленниковъ — Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій—спросилъ его, вѣритъ ли онъ въ Бога, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что Некрасовъ удивился бы и даже обидѣлся: за кого его считаютъ?

Въ стихотвореніи Комиссарову больше всего мучилъ его одинъ «пунктъ метафизическій» (такъ, будто бы, онъ и выразился, по свидѣтельству Антоновича), самый невѣрный изъ «невѣрныхъ звуковъ»—эти два слова: «народъ православный». Православіе, попы, церковь, христіанство, религія—все вмѣстѣ, безъ разбора, въ одну кучу свалено и отвергнуто.

Такъ думалъ онъ; такъ думали всѣ тогдашніе люди средняго интеллигентскаго сознанія.

Это о Чернышевскомъ. Должно быть, написалъ, перечелъ и удивился: что это? зачѣмъ? откуда? Христось, крестъ, Богъ,—когда рѣчь идетъ объ атеистѣ отъявленномъ? Что эти странныя слова какимъ-то глубокимъ, внутреннимъ свѣтомъ свѣтятся, и что безъ нихъ все меркнетъ, мертвѣетъ,—онъ, какъ художникъ, разумѣется, чувствовалъ и все-таки зачеркнулъ ихъ, какъ будто вдругъ застыдился или испугался чего-то. Нѣтъ, лучше ненадо. Нельзя объ этомъ говорить ни съ кѣмъ. А съ самимъ собою? Да, бываютъ минуты, когда и молчать объ этомъ нельзя съ самимъ собою: сколько ни молчи, ни скрывай, — все равно, скажется, вырвется; бываютъ минуты, когда —

Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
И шепчетъ голосъ неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди съ открытой головой!..
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ
И облегченный уходилъ.
Войди! Христось наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной...

Опять—совѣсть: «совѣсть пѣсню свою запѣваетъ», старую, вѣчную, но теперь уже какимъ-то другимъ, «неземнымъ» голосомъ. И, если тотъ, земной—неодолимъ, то этотъ еще неодолимѣе; и, если того нельзя не услышать, то этого тѣмъ болѣе.

Я внялъ, я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челою,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Въ русской литературѣ нѣтъ ничего подобнаго: никто изъ русскихъ писателей такъ не молился или, по крайней мѣрѣ, такъ не жаждалъ молитвы. И то, что онъ думаетъ одно, а чувствуетъ другое, въ Бога не вѣруетъ, а молится,—не уменьшаетъ, а увеличиваетъ искренность чувства: взрывъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ порохъ сжатѣе. И, если онъ вообще, въ стихахъ своихъ, шелъ «прямо къ дѣлу», то въ этихъ особенно,—къ самому главному дѣлу жизни своей—къ соединенію съ народомъ. Здѣсь, и только здѣсь, въ чувствѣ религіозномъ, онъ уже одно съ народомъ. Пусть только на мигъ,—этотъ мигъ вѣчный: пройдетъ и вернется; это было и будетъ опять—будетъ всегда.

О сближеніи Некрасова съ народовольцами, съ тѣмъ подпольнымъ кружкомъ, изъ котораго вышли впоследствии такіе люди, какъ Желябовъ, А. Д. Михайловъ, Софья Пе-

ровская,—мы почти ничего не знаемъ; знаемъ только, что это сближеніе имѣло на него большое вліяніе въ послѣдніе годы жизни.

Великія, страдальческія тѣни...
На чьихъ гробахъ я преклонялъ колѣни
И клятвы мести грозно повторялъ.

Это не о нихъ сказано, но о близкихъ къ нимъ. А это уже о нихъ самихъ:

Я сбросила мертвящія оковы
Друзей, семьи, родного очага,
Ушла туда, гдѣ чтутъ пути Христовы,
Гдѣ стерегутъ оплошнаго врага...

Онъ не могъ сказать больше, но мы понимаемъ, что значитъ: «стеречь оплошнаго врага». И въ этомъ—пути Христовы? Тамъ, гдѣ Достоевскій видѣлъ «бѣсовъ», Некрасовъ увидѣлъ Христа.

И всего удивительнѣе, что это никѣмъ не замѣчено. Только теперь, черезъ 35 лѣтъ, черезъ 1905 годъ, выступаетъ передъ нами эта религіозная тайнопись, какъ безцвѣтныя чернила на пламени свѣчи.

Мы теперь уже знаемъ по точнымъ изслѣдованіямъ историческимъ (см. книгу Богучарскаго, «Активное народничество 70-хъ годовъ»), что тогдашнее революціонное народничество въ своихъ высшихъ точкахъ было явленіемъ религіозной совѣсти,—религіозной въ самомъ подлинномъ, христіанскомъ смыслѣ этого слова.

— «Крещенъ въ православіи, но православіе отрицаю, хотя сущность ученія Іисуса

Христа признаю»,—отвѣчалъ глава народо-вольцевъ, Желябовъ, на предложенный ему предсѣдателемъ суда въ 1881 году вопросъ о вѣроисповѣданіи.

— «Богъ, это—правда, любовь, и я въ этомъ смыслѣ съ чистою совѣстью говорю о Богѣ, въ котораго вѣрю»...—слова другого вождя народовольцевъ, А. Д. Михайлова.

Это въ нихъ во всѣхъ было, хотя сами они объ этомъ не знали, какъ не знаетъ камень, что въ немъ таится огонь, пока не ударитъ желѣзо.

Это было и въ Некрасовѣ. И здѣсь онъ ближе къ намъ, современнѣе всѣхъ нашихъ современниковъ. Черезъ головы ихъ онъ протягиваетъ руку будущему—тому, что можно бы назвать религіознымъ народничествомъ.

Здѣсь—послѣдняя тайна его, которая можетъ быть, осталась для него самого неразгаданной, по крайней мѣрѣ, въ жизни. Но то, чего не успѣла сдѣлать жизнь, кончила смерть.

Въ смерти его самое ужасное—не страданія физическія, хотя и они ужаснѣе всего, что можно себѣ представить.

«Послѣднія пѣсни» всѣмъ намъ памяты. Этого нельзя читать безъ содроганія.

Черный день! какъ нищій просить хлѣба,
Смерти, смерти я прошу у неба...

«Страданія усилились необычайно, — рассказываетъ очевидецъ:—онъ рвалъ на себѣ бѣлье, схватывалъ себя за голову».

«Онъ говорилъ, что обратился въ животное, — рассказываетъ другой очевидецъ. — И, дѣйствительно, жизнь эта была ужасна по своему животному однообразію».

«Онъ казался почти уже трупомъ, такъ что странно было даже видѣть, что этотъ трупъ говоритъ, шевелитъ губами».

И вотъ, въ этомъ полу-трупѣ, полу-животномъ совершается самое великое, святое и страшное дѣло—дѣло совѣсти.

Существуетъ портретъ умирающаго Некрасова. Подъ одѣяломъ высохшее тѣло; лысая голова на подушкахъ; одну руку онъ поднялъ ко рту, должно быть, привычно-болѣзненнымъ движеніемъ, неловкимъ и застѣнчивымъ; глаза страдальческіе, но добрые, тихіе, только немного удивленные.

«Умирающій Некрасовъ и со мной, и со многими другими заводилъ свои затрудненныя, оправдательно-покаянныя рѣчи,—вспоминаетъ Михайловскій. — Очевидно было страстное желаніе выложить всю душу... страстное, послѣднее въ жизни желаніе раскрыть тайну этой жизни».

Это и есть послѣдняя тайна его, которую должна была раскрыть смерть.

«Но умирающій не находилъ словъ,—продолжаетъ Михайловскій.—Не могъ ни другимъ рассказать, ни себѣ уяснить эту смѣсь добра и зла. Онъ старался, не могъ и мучился... Я не видѣлъ болѣе тяжелой работы совѣсти, да не дай Богъ и увидѣть».

«Худо мнѣ!—записываетъ Некрасовъ въ предсмертномъ дневникѣ.—Мой домъ—по-

стель, мой міръ—двѣ комнаты... Стиховъ уже писать не могу... Очень тяжело растревожить мысли—сейчасъ боли, какъ и въ эту минуту... Ничего не понимаю, что со мною дѣлается. Очень тяжело...»

Вотъ эта-то тяжесть непониманія, недоумѣнія ужаснѣе всѣхъ физическихъ мукъ.

Въ комнатѣ висѣли по стѣнамъ портреты Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Добролюбова.

На меня ихъ портреты
Укоризненно смотрятъ со стѣнъ.

На его вопросъ: «что со мною дѣлается?» не могутъ и они отвѣтить. Всю жизнь были съ нимъ, но въ смерти покинули его. Иная судьба у нихъ: не такъ жили, какъ онъ,—не такъ и умерли. На огнѣ человѣческой совѣсти сгорѣли, какъ драгоценное дерево. А онъ—кремень: чтобы его раскалить, нуженъ иной огонь.

Ужъ не то ли съ нимъ происходитъ, что съ дядею Власомъ, который тоже былъ великимъ грѣшникомъ, но, увидѣвъ тьму кромѣшную, покаялся, и «сила вся души великая въ дѣло Божіе ушла»?

Нѣтъ, Власъ—темный мужикъ, а Некрасовъ—человѣкъ просвѣщенный. Между нимъ и Власомъ—тотъ «метафизическій пунктъ», который такъ мучалъ его,—отрицаніе православія. Конечно, въ этомъ отрицаніи православія онъ съ нами сходится. Религіозное чувство есть у него, но нѣтъ религіознаго сознанія. А для воли мало чувства: нужно чувство и сознаніе вмѣстѣ. Воля же теперь

ему нужнѣе, чѣмъ когда-либо, для дѣла—величайшаго изъ дѣлъ человѣческихъ — для смерти.

Тотъ, чья жизнь бесполезно разбилась,
Можетъ смертью еще доказать,
Что въ немъ сердце неробкое билось,
Что умѣлъ онъ любить...

Вотъ почему просить онъ у всѣхъ помощи. Но никто ему не можетъ помочь и даже понять не можетъ, такъ же какъ онъ самъ не понимаетъ, «что съ нимъ дѣлается». Всѣ отходятъ—и онъ одинъ, какъ погребенный за-живо.

Зоветь на помощь Музу — послѣдняго друга.

О, Муза! ты была мнѣ другомъ,
Приди на мой послѣдній зовъ...

Муза пришла, но чтобы проститься навѣки:

«Нѣтъ больше пѣсенъ! мракъ въ очахъ...
Сказать умремъ! конецъ надеждъ!
Я прибрела на костыляхъ»...

Конецъ надеждъ—конецъ всему? Умеръ, какъ жилъ, безсовѣстно, бессмысленно, безбожно? Погибъ?

Нѣтъ, не погибъ: чудо совершилось.

Слушая рассказы его о дѣтствѣ и матери, Достоевскій предвидѣлъ, что «если будетъ что-нибудь святое въ его жизни, но такое, что могло бы спасти его въ самыя темныя и

роковыя мгновенія судьбы его», то это любовь къ матери.

Некрасовъ это и самъ предчувствовалъ. Всю жизнь спасала его эта любовь.

Увлекаемъ безславною битвою,
Сколько разъ я надъ бездною стоялъ,
Подымался твоею молитвою,
Снова падалъ—и вовсе упалъ...

Но и въ самой глубинѣ паденія онъ зналъ, что она его не покинетъ,—въ минуту послѣдней гибели придетъ спасти.

И вотъ пришла:

«Пора съ полуденнаго зноя,
Пора, пора подъ сѣнь покоя;
Усни, усни, касатикъ мой!
Прійми трудовъ вѣнецъ желанный,
Ужъ ты не рабъ—ты царь вѣнчанный;
Ничто не властно надъ тобой!
Не страшень гробъ, я съ нимъ знакома;
Не бойся молніи и грома
Не бойся цѣпи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человѣческаго стона,
Ни человѣческой слезы.
Усни, страдалецъ терпѣливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою;
Баю-баю-баю-баю!

Колыбельная пѣсня — надгробная. Смерть и рожденіе соединяются. Это такъ свято, что объ этомъ нельзя говорить, да и нѣтъ словъ. Это молитва безъ имени Божьяго; любовь матери къ сыну — человѣческая,

только человѣческая. Но какъ Сынъ Человѣческій—Сынъ Божій, такъ можетъ быть, и Матерь Человѣческая—Матерь Божья.

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ Твоимъ образомъ—яркимъ сіяніемъ...

И если даже сіянье потухнетъ, все еще будетъ горѣть молитва.

Къ теплой Заступницѣ міра холоднаго.

«Красота спасетъ міръ»?—Нѣтъ, красота—только сіяніе, только заря невзошедшаго солнца любви. Не красота спасетъ міръ, а любовь, Вѣчное Материнство, вѣчная Женственность.

Родная мать — родная земля. «Земля Божья»—говоритъ русскій народъ. Это значитъ: земля ничья, земля общая, свободная; только свободная земля—Божья. Тутъ уже свобода съ Богомъ. Раскрытая въ христіанствѣ тайна о небѣ—любовь есть Богъ; нераскрытая тайна о землѣ—свобода есть Богъ.

Вотъ, что хочетъ намъ сказать Некрасовъ; вотъ, зачѣмъ его тоскующая тѣнь бродитъ около насъ.

ТАЙНА ТЮТЧЕВА

I

Низенькій, худенькій старичокъ, хилый и немощный,—

Безпомощный и убогий,

какъ онъ самъ о себѣ говоритъ,—похожий на «облакъ тощій», на изнемогающій дневной мѣсяць.

Вотъ онъ сидитъ у себя въ жарко-нагретой комнатѣ, зябнетъ и кутается въ пледъ; или бредетъ по улицѣ въ помятой шляпѣ и волочитъ по землѣ рукавъ поношенной шубы. Задумчивъ, разсѣянъ, одѣтъ небрежно, «ни на одну пуговицу не застегнуть, какъ слѣдуетъ».

Бритое лицо въ очкахъ напоминаетъ стараго нѣмца, учителя музыки. Рѣдкіе, мягкіе сѣдые волосы, отстающіе отъ висковъ, всклокоченные:

Хоть свѣжесть утренняя вѣетъ
Въ моихъ всклокоченныхъ власахъ...

Болѣзненно сжатая губы. Глаза, утомленные, какъ бы ослѣпленные блескомъ своей собственной мысли; въ этихъ глазахъ,—

Жизнь, какъ подстрѣленная птица,
Подняться хочетъ и не можетъ...

По внѣшности такъ же трудно судить о немъ, какъ по черепку могильной урны о хранившихся въ ней благовопіяхъ и о слезахъ, надъ нею пролитыхъ.

«Тютчевы принадлежали къ старинному русскому дворянству. Въ Никоновской лѣтописи упоминается «хитрый мужъ», Захаръ Тютчевъ, котораго Дмитрій Донской, передъ началомъ Куликовскаго побоища, подсылалъ къ Мамаю. Въ числѣ воеводъ Іоанна III, усмирявшихъ Псковъ, называется также «воевода Борисъ Тютчевъ Слѣпой». А въ половинѣ XVIII вѣка, Брянскіе помѣщики Тютчевы славились лишь разгуломъ и произволомъ, доходившимъ до неистовства («Біографія Ѳ. И. Тютчева», И. С. Аксакова).

Если не все, то очень многое въ личности, въ жизни и въ поэзіи Тютчева образовано, какъ вѣрно замѣтилъ Аксаковъ, «старымъ дворянскимъ бытомъ», крѣпостнымъ правомъ: тютчевщина — обломовщина; обезпеченность и безпечность, праздность и лѣнь. Старый дядька, Николай Аѳанасьевичъ Хлоповъ взлелѣялъ его съ 4-лѣтняго возраста и потомъ всю жизнь нянчился съ нимъ. Всю жизнь оставался онъ «хлоповскимъ дитятею». Въ Мюнхенѣ, такъ же какъ въ родной усадьбѣ, жилъ не по Шеллингу, а по Хлопову.

Будучи секретаремъ посольства въ Туринѣ, заперъ однажды дверь на ключъ и, никому не сказавшись, уѣхалъ въ Швейцарію. Когда Николай I узналъ объ этомъ, то велѣлъ ему подать въ отставку и снялъ съ него камергерство. Потомъ ему вернули все, и онъ

успокоился на тепломъ мѣстечкѣ, председателемъ комитета иностранной цензуры.

Бродить безъ дѣла и безъ цѣли,—

такова мудрость Хлопова, мудрость Тютчева. «Умъ его парилъ, а самъ онъ, будто свинцовыми гириями, прикованъ былъ долу немощью воли, страстями, избалованностью. Умъ дѣятельный, не знавшій ни отдыха, ни истомы, при совершенной неспособности къ дѣйствию» (Аксаковъ).

Какъ будто родился старикомъ и никогда не былъ молодъ.

Какъ грустно полусонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
На встрѣчу солнцу и движенію
За новымъ пламенемъ брести!

Вся его жизнь—«духовный обморокъ», «страдальческій застой»—не жизнь, а смерть за-живо.

Какимъ-то сномъ усопшей тѣни
Я спалъ, зарытый, но живой.

Тутъ въ самой жизни, въ судьбѣ Тютчева—противоположное подобіе Некрасову: въ русскомъ барствѣ, въ русскомъ рабствѣ—Тютчевъ, какъ на ложѣ изъ розъ, убаюканъ смертною нѣгою, а Некрасовъ измученъ смертною мукою, израненъ до-смерти шипами тѣхъ же розъ. Раствлевающая мука и растлевающая нѣга рабства.

Самъ Тютчевъ—«весь добродушіе и незлобіе», но въ жизни его что-то недоброе, не-

ладное, какая-то злая сила, начало смерти, тлѣнія, разрушенія.

Поэзія, творчество не борется въ немъ съ этою силою разрушительной, а само становится ею. Поэтъ дѣлаетъ все, что отъ него зависитъ, чтобы уничтожить въ себѣ поэзію.

«Его стихи увидѣли свѣтъ, только благодаря случайному, постороннему вмѣшательству» (Аксаковъ). У него отвращеніе къ виду печатныхъ строкъ. «При изданіи своихъ стихотвореній онъ былъ въ сторонѣ; за него распоряжались, рядили и судили другіе; онъ даже и не заглянулъ въ эту книжечку. Не было возможности достать подлинниковъ руки поэта, ни убѣдить его просмотрѣть эти піесы въ тѣхъ спискахъ, которые удалось добыть частью отъ родныхъ, частью отъ постороннихъ. Ему доставлено было оглавленіе: оно пролежало у него мѣсяць и было возвращено не просмотрѣнное».

Не могъ склонить своей я лѣни праздной,
Чтобы она хоть вскользь имъ занялась.

Князь Гагаринъ, іезуитъ, въ 1836 году собралъ и послалъ Пушкину стихи Тютчева. Пушкинъ напечаталъ ихъ въ «Современникѣ».—«Онъ цѣнитъ ихъ, какъ должно, и отзывается о нихъ весьма сочувственно»,—пишетъ Гагаринъ.—«А все же я очень сомнѣваюсь, чтобы мое бумагомараніе заслуживало чести быть напечатаннымъ»,—возражаетъ Тютчевъ.

Что это? Скромность генія? Можетъ быть. Но и лѣнь Обломова. Зарываетъ талантъ

въ землю, какъ лѣнивый рабъ; зажегши свѣчу, ставитъ ее подъ сосудъ.

Да, если бы отъ него зависѣло, онъ истребилъ бы себя изъ русской поэзіи.

«Однажды жегъ ненужныя бумаги и нечаянно бросилъ въ огонь тетрадь со стихами».

— «Я довольно скоро утѣшился, вспоминая, что сгорѣла и Александрійская библиотека»,—шутилъ онъ впоследствии.

Злая шутка. Тутъ за видимой легкостью какая-то страшная тяжесть. Кажется иногда, что не только эту тетрадь со стихами, но и всю свою поэзію—даръ Божій—готовъ кинуть въ огонь, какъ соръ.

Нелюбовь къ славѣ—одно изъ двухъ: или смиреніе, или презрѣніе къ людямъ. Что же именно у Тютчева?

Въ славѣ человѣкъ высказывается, общается съ людьми, отдаетъ себя людямъ. А жажда забвенія—жажда одиночества. Славобоязнь—человѣкобоязнь. Тютчевъ бѣжитъ отъ славы, потому что бѣжитъ отъ людей, скрывается и что-то скрываетъ отъ нихъ, таитъ, молчитъ.

Молчи, скрывайся и таи...

Славобоязнь—свѣтобоязнь. Въ свѣтъ все тайное дѣлается явнымъ. Но этого-то онъ и боится. Свѣтъ славы жжетъ ему глаза.

О, какъ лучи его багровы,
Какъ жгутъ они мои глаза!

Ночь, ночь, о, гдѣ твои покровы,
Твой тихій сумракъ и роса!

Насъ, дневныхъ, пугаетъ ночь. Въ ночи и въ тайнѣ происходитъ самое святое или самое грѣшное. Что же именно у Тютчева?

Такъ же какъ поэзію, силу творчества, уничтожаетъ онъ въ себѣ и другую великую силу—любовь къ родинѣ.

Потомокъ древняго рода, уходящаго во тьму вѣковъ, онъ, казалось бы, долженъ быть связанъ съ родиной корнями крѣпкими, какъ корни дуба. Но вотъ оказывается, что онъ—какъ срѣзанный цвѣтокъ, опущенный въ воду, которому все равно, гдѣ цвѣсти и вянуть.

Въ 1822-мъ году графъ Остерманъ-Толстой, родственникъ Федора Ивановича, усадилъ его, 18-лѣтняго мальчика, съ собой въ карету и увезъ за-границу, въ Мюнхень. Онъ уѣхалъ изъ Россіи мальчикомъ, а вернулся почти старикомъ. Слишкомъ 22 года, лучшіе годы жизни, провелъ на чужбинѣ. «Перестаетъ какъ-бы существовать для Россіи. Самое имя его забывается». О томъ, что происходило съ нимъ въ эти годы, мы почти ничего не знаемъ: тутъ пробѣлъ, провалъ въ жизнеописаніи Тютчева,—то «молчаніе», *silentium*, котораго такъ хотѣлось ему. Тамъ, за-границею, онъ женился, сталъ отцомъ семейства, овдовѣлъ, снова женился, оба раза на иностранкахъ, не знавшихъ ни слова по-русски, такъ что цѣлые годы не слышалъ русской рѣчи, наконецъ самъ сдѣлался «по-

чти иностранцемъ» и, когда вернулся на родину, она показалась ему чужбиною.

Ахъ, нѣтъ, не здѣсь, не этотъ край безлюдный
Быль для души моей родимымъ краемъ...

Славянофилъ, «народникъ», воспѣвавшій «эти бѣдныя селенья, эту скудную природу», онъ даже въ теченіи двухъ недѣль не могъ ужиться въ русской деревенской глуши, напр. въ своемъ родовомъ помѣстьи Брянскаго уѣзда (Аксаковъ). Только и думалъ о томъ, какъ бы бѣжать изъ Россіи.

Отъ родины отрекается съ такою же легкостью, какъ отъ поэзіи. Но можетъ быть, и за этою легкостью та же страшная тяжесть—самоубійство, саморазрушеніе?

«Онъ былъ совершенно чуждъ, въ своемъ домашнемъ быту, не только православно-церковныхъ обычаевъ, но даже и прямыхъ отношеній къ церковно-русской стихіи»,—говоритъ Аксаковъ. Это значитъ: жилъ, какъ всѣ русскіе интеллигенты «безбожники».

Отъ языка, отъ родины, отъ вѣры отцовъ—отъ всего отрекается. Для чего? На этотъ вопросъ въ жизни его нѣтъ отвѣта,—отвѣтъ въ его поэзіи.

«Божественный старецъ», — умиляется Фетъ. Да, наружность Тютчева обманчива: старичокъ добренькій, тихенькій,—мухи не обидитъ, воды не замутитъ; никому зла не сдѣлаетъ; просидѣлъ всю жизнь въ халатѣ обломовскомъ, хлоповскомъ, что-то писалъ,

бросалъ бумажки въ огонь да вздыхалъ, глядя, какъ тлѣютъ онѣ:

Такъ грустно тлится жизнь моя...

Вся жизнь—тлѣніе, пустое или опустошенное мѣсто. Но если взглянуть въ жизнь его сквозь его же поэзію, то начинаетъ казаться, что пустое мѣсто—темная яма, и тамъ, въ темнотѣ, колдуетъ колдунъ,—и «божественное» лицо становится демоническимъ; начинаетъ казаться, что не только въ поэзіи, но и въ жизни его—колдовство,—и самъ колдунъ заколдованный; что не только въ поэзіи, но и въ жизни его—отрава,—и самъ отравитель отравленный, «сглаженный», «порченный».

У Тургенева есть «Разсказъ отца Алексѣя».

Сынъ священника, десятилѣтній мальчикъ Яковъ повстрѣчался однажды въ лѣсу съ какимъ-то «старичкомъ зеленымъ».

— «Маленькій старичекъ съ горбиною, ножками все семенить и посмѣивается—и весь, какъ листъ, зеленый.

— «Какъ, и лицо зеленое?

— «И лицо, и волосы, и самые даже глаза.

— «Ты, чай, заснулъ въ лѣсу, на припекѣ, да и видѣлъ старичка того во снѣ»...

Старичекъ далъ Якову вкусныхъ орѣшковъ: «ядрышко небольшое, въ родѣ каштанчика, словно шероховатое; на наши обыкновенные орѣхи непохоже».

Прошли годы, мальчикъ выросъ и оказался порченнымъ.

— «Не узнаю я моего Якова,—разсказы-

ваетъ о. Алексѣй:—скучный такой сталъ, угрюмый, слова отъ него не добьешься... Дичится, словно волкъ, и глядитъ все исподлобья... А то вдругъ возьметъ да уставится въ уголь и словно весь окоченѣетъ... Жутко таково!

«Вотъ однажды, улуча время, сталъ я слезно молить Якова:

— «Скажи, молъ, мнѣ, какъ отцу по плоти и по духу. Яша, что съ тобою?

— «Ну, батюшка,—говорить онъ мнѣ вдругъ,—разжалобилъ ты меня; скажу я тебѣ всю правду. Вотъ уже четвертый мѣсяцъ, какъ я его вижу...

— «Его? Кого его?

— «Да того... что къ ночи называть неудобно.

«Я такъ и похолодѣлъ весь и затрясся... Вспомнился мнѣ вдругъ старичекъ въ лѣсу, что каштанчикъ ему подарилъ.

— «Какой онъ изъ себя,—говорю,—зеленый?

— «Нѣтъ, не зеленый, а черный.

— «Съ рогами?

— «Нѣтъ, онъ какъ человѣкъ,—только весь черный.

— «Да это тѣнь тебѣ мерещится.—говорю я,—это чернота отъ тѣни»...

Судьба Якова—судьба Тютчева. Онъ тоже повстрѣчался въ лѣсу со старичкомъ зеленымъ или, можетъ быть, увидѣлъ его во снѣ, уснувъ на припекѣ, въ одинъ изъ тѣхъ жаркихъ дней, которые такъ любилъ:

И всю природу, какъ туманъ,
Дремота жаркая объемлетъ;
И самъ теперь Великій Панъ
Въ пещерѣ нимфъ спокойно дремлетъ.

Недаромъ зеленый старичекъ «посмѣивается и семенить ножками»: ножки у него козлиныя; это веселый богъ или бѣсъ, русскій лѣшій или древній Панъ. Панъ значитъ Все: все—Богъ; всебожіе, пантеизмъ—религія Тютчева.

Панъ спѣлъ ему страшную пѣсню «про древній хаосъ, про родимый» и подарилъ волшебную свирѣль, полную звуками хаоса; подарилъ также волшебный орѣшекъ, плодъ чужой земли: какъ съѣлъ онъ его, такъ и почувствовалъ, что родина стала чужбиною, чужбина—родиной:

Край иной—родимый край...

И отрекся отъ вѣры отцовъ своихъ, сдѣлался безбожникомъ, пересталъ ходить въ церковь: бѣсъ его не пускаетъ, древній богъ—новый бѣсъ.

И окаменѣлъ, одичалъ, замолчалъ:

Молчи, скрывайся и таи...

«Чернота отъ тѣни» легла на него и окружила его «паническимъ ужасомъ».

Вглядимся же въ эту черноту, въ этотъ ужасъ—въ поэзію Тютчева.

II

Жизнь—сонъ. Вообще живые спятъ мертвымъ сномъ и ничего не видятъ, кромѣ того, что имъ снится; но иногда сонъ становится прозрачнымъ, какъ бы предъутреннимъ; спящій знаетъ, что спитъ, и сквозь сонъ, сквозь жизнь видитъ иную дѣйствительность. Сонъ жизни—«Сонъ на морѣ»:

И море, и буря качали нашъ челнъ;
Я, сонный, былъ преданъ всей прихоти волнъ.
И двѣ безпредѣльности были во мнѣ,—
И мной своевольно играли онѣ...

Одна безпредѣльность—міръ стихійный, «міръ, какъ воля»,—хаосъ; другая—міръ человѣческой, «міръ, какъ представленіе»,—космосъ. Космосъ «вѣетъ легко надъ гремящею тьмой» хаоса—легко, беззвучно и прозрачно, потому что призрачно, какъ сонъ «въ лучахъ огневицы», горячки, «болѣзненно-яркій, волшебнo-нѣмой». Дурной сонъ, бредъ, навожденіе, злое волшебство, черная магія: недаромъ сквозь сонъ слышится спящему грохотъ пучины, грохотъ хаоса, «какъ дикій волшебника вой». Древній Хаосъ—отецъ су-

шаго, «отецъ лжи» (ибо все сущее—ложь), воетъ свои заклинанія, вызываетъ лживые призраки космоса, чтобы обольстить, заманить человѣка въ свою темную бездну и тамъ уничтожить.

Если-бы Шопенгауэръ зналъ Тютчева, то привелъ бы эти стихи, какъ лучшее истолкованіе «Міра, какъ воли и представленія».

Чтобы понять міръ, надо вывернуть его на-изнанку, почувствовать обратное тому, что чувствуютъ всѣ: сонъ, какъ явь; явь, какъ сонъ.

Затихъ повсюду шумъ и гамъ,
И воцарилось молчанье;
Ходили тѣни по стѣнамъ
И полусонное мерцанье...
И мнѣ казалось, что меня
Какой-то миротворный геній
Изъ пышно-золотого дня
Увлекъ незримо въ царство тѣней.

Что это, пробужденіе или засыпаніе? Явь или сонъ? Ни то, ни другое, а сумеречная полоса между тѣмъ и другимъ, «порогъ двойного бытія».

О, вѣщая душа моя,
О, сердце, полное тревоги,
О, какъ ты бьешься на порогѣ
Какъ бы двойного бытія!

Мы это чувствуемъ изрѣдка, а онъ—всегда; намъ нужно усиліе, чтобы дойти до этого, а ему,—чтобы уйти отъ этого. Для насъ воля сознаниемъ освѣщается, а для него—затем-

няется; не ночь—покровъ дня, а день—покровъ ночи; «златотканый, наброшенный надъ бездной безымянной»:

Но меркнетъ день, настала ночь;
Пришла—и съ міра рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвавъ, отбрасываетъ прочь...
И бездна намъ обнажена.

Меркнетъ сознание—и обнажается бездна воли, бездна мрака. Мракъ истиненъ, свѣтъ лживъ; свѣтъ кажется, мракъ есть.

«Двойное бытіе»—условіе того, что люди когда-то называли «магіей». Всѣ явленія міра здѣшняго—клавиши, звонкіе рычаги міровъ иныхъ: ударишь по клавишѣ—отзовется струна; коснешься явленія—отвѣтитъ сущность.

Никто такъ не умѣетъ играть на этихъ клавишахъ, какъ Тютчевъ. Вотъ почему стихи его подобны заклинаніямъ, волшебнымъ зовамъ и шопотамъ: хотимъ, не хотимъ, мы идемъ туда, куда онъ зоветъ; его глазами смотримъ, его ушами слушаемъ; мы—въ немъ, онъ—въ насъ. Можно не вступать въ волшебный кругъ, но разъ вступивъ, уже не вырвешься: прежде чѣмъ поняли, что это,—мы уже заколдованы.

Двойное бытіе—условіе всякой религій. Но различіе религій начинается тамъ, гдѣ опредѣляется отношеніе двухъ бытій, двухъ міровъ.

Христіанство утверждаетъ ихъ родственную связь, ихъ послѣднее соединеніе въ

Богъ. Если христіанство — религія положительная, то религія отрицательная, антирелигія,—буддизмъ, утверждающій вѣчное раздѣленіе, отчужденіе двухъ міровъ: можетъ быть, и есть въ здѣшнемъ мірѣ что-нибудь нездѣшнее, божественное, но связи съ божественнымъ для человѣка нѣтъ, нѣтъ религіи (religio и значитъ связь).

И не дано ничтожной пыли
Дышать божественнымъ огнемъ.

Человѣческая мысль, какъ струя фонтана,
жадно рвется къ небу:

Но длань незримо-роковая,
Твой лучъ упорный, преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты.

Человѣкъ—не сынъ Божій, а «сирота бездомный». Сила, правящая міромъ,—слѣпая и злая, вражья:

Предъ стихійной вражьей силой,
Молча руки опустя,
Человѣкъ стоитъ уныло,
Безпомощное дитя.

Человѣкъ—сирота, и весь міръ тоже:

И мнится: міръ осиротѣлый
Неотразимый рокъ настигъ.

Христіанство, утверждая воплощеніе Бога въ мірѣ, тѣмъ самымъ утверждаетъ незыблемую точку опоры для воли, для дѣйствія, несокрушимую скалу въ призрачной зыби явленій: есть, за что ухватиться, есть, на что

опереться. Если міръ здѣшній, временный—уже начало міра вѣчнаго, то есть что дѣлать и дѣлать стоитъ. Вотъ почему христіанство—религія дѣйствія, и, сколько бы ни отрекался христіанскій Западъ отъ своего религіознаго сознанія,—въ своемъ безсознательномъ дѣйствіи онъ утверждаетъ самую сущность христіанства.

Но, если, какъ утверждаетъ буддійскій Востокъ, весь міръ явленій—только призракъ, только лживый покровъ, Ма й я, надъ бездной ничтожества; если тотъ міръ—хаосъ, разрушеніе, уничтоженіе этого міра, то нѣтъ никакой точки опоры для воли, для дѣйствія: ухватиться не за что, опереться не на что: за что ни ухватишься,—все таетъ, какъ дымъ; на что ни обопрешься,—все рушится. И дѣлать нечего,—ничего не стоитъ дѣлать, игра не стоитъ свѣчь. Вотъ почему буддизмъ—религія бездѣйствія, религія созерцанія по преимуществу. Такова религія Тютчева.

Удѣлъ человѣка въ дѣйствіи—удѣлъ орла въ полетѣ.

Но нѣтъ завиднѣе удѣла,
О, лебедь чистый, твоего!
И чистой, какъ ты самъ, одѣло
Тебя стихіей Божество.
Она между двойною бездной
Лелѣетъ твой всезрящій сонъ,
И полный славой тверди звѣздной
Ты отовсюду окружень.

Надъ нимъ—твердь настоящая, подъ нимъ—отраженная. Но это второе небо, нижнее—только обманъ зрѣнія: спящему лебедю

стоитъ проснуться, пошевелиться, чтобы раз-
билось водное зеркало, и небо внизу сдѣла-
лось омутомъ. А можетъ быть, и самъ лебедь
только оборотень, манящій въ омутъ: брось-
ся въ него и погибнешь. Знаетъ ли это кол-
дунъ, вызвавшій оборотня? Если и знаетъ,
то молчитъ:

Молчи, скрывайся и таи...

Человѣкъ человѣку нуженъ въ дѣйствиіи.
Дѣйствиіе соединяетъ, созерцаніе уединяетъ.
Соединеніе людей—толпа, а толпа—на-
силіе:

Толпа вошла, толпа вломилась
Въ святилище души твоей...

И одна молитва у души—уйти отъ людей,
отъ жизни:

Душа моя—Элизіумъ тѣней...
Что общаго межъ жизнью и тобою?

Уйти отъ жизни—отъ пошлости:

О, если бы живыя крылья
Души, парящей надъ землею,
Ее спасали отъ насилья
Безмѣрной пошлости людской!

Нехорошо быть человѣку одному? Нѣтъ,
только одному и хорошо; только на безлюд-
ныхъ вершинахъ послѣдняя радость:

Вотъ взобрался я на вершину,
Сижу здѣсь, радостень и тихъ...
Ты къ людямъ, ключъ, спѣшишь въ долину,—
Попробуй — каково у нихъ!

Чѣмъ дальше отъ людей, тѣмъ радостнѣй:

Душа хотѣла бѣ быть звѣздой...

Кажется, дальше нельзя? Нѣтъ, можно:

Душа хотѣла бѣ быть звѣздой,
Но не тогда, какъ въ небѣ полуночи
Сіи свѣтила, какъ живыя очи,
Глядятъ на сонный міръ земной,—
Но днемъ, когда, сокрытыя какъ дымомъ
Палящихъ солнечныхъ лучей,
Они, какъ божества, горятъ свѣтлѣй
Въ эфирѣ чистомъ и незримомъ.

Быть невидимымъ—быть божественнымъ;
уединеніе—обожествленіе, а человѣкъ хочетъ
быть Богомъ, хотя бы только во снѣ:

По высямъ творенья, какъ Богъ, я шагаль,—
И міръ подо мною недвижно сіяль...

Слова соединяютъ людей, молчаніе уеди-
няетъ. Но если ненужно соединенія, то и
словъ ненужно. Въ словахъ—ложь:

Мысль изреченная есть ложь.

Истина—въ молчаніи:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои...
Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй.

Вотъ чистѣйшій кристалль того яда, ко-
торымъ всѣ мы отравлены,—наиболѣе про-
тивоположная христіанству заповѣдь не-
любви. Страшная заповѣдь—и всего страш-
нѣе то, что она не ложь: чтобы полюбить

другихъ, какъ себя, отдать себя другимъ,— надо сперва найти себя, познать себя; а кто смѣетъ сказать, что онъ это сдѣлалъ?

Религія молчанія—*Silentium*—не ложь, а половина истины, которая безъ другой половины убійственнѣе всякой лжи.

Двумя силами движется міръ человѣческой, такъ же какъ стихійный: силой притяженія и силой отталкиванія атомовъ-личностей. Изъ этихъ двухъ силъ только одну—силу отталкиванія утверждаетъ Тютчевъ. Но, если бы исполнилось то, чего онъ хочетъ, то міръ человѣческой, такъ же какъ стихійный, распался бы въ хаосъ.

Въ міръ человѣческомъ—ложь и зло, но въ міръ стихійномъ—истина и благо,—такъ думалъ онъ сначала.

Невозмутимый строй во всемъ,
Созвучье полное въ природѣ;
Лишь въ нашей призрачной свободѣ
Разладъ мы съ нею сознаемъ.
Откуда, какъ разладъ возникъ?
И отчего же въ общемъ хорѣ
Душа не то поетъ, что море,
И ропщетъ мыслящій тростникъ?

Вопросъ остался безъ отвѣта, но зато углубился до безконечности, когда вопрошающій увидѣлъ, что разладъ—не только между человѣкомъ и природой, но и въ самой природѣ, что зло—въ самомъ корнѣ бытія, въ самой сущности міра, какъ воли.

Не только жизнь человѣка, но жизнь природы—дурной сонъ. Какъ больная, мечется

она въ жару «огневицы» и жаждетъ вѣчнаго сумрака, вѣчной свѣжести небытія. Чувство жизни въ тѣлѣ природы, какъ въ тѣлѣ человѣческомъ—чувство больного въ ослѣпительно-яркой и знойный день.

Хоть свѣжесть утренняя вѣтъ
Въ моихъ всклокоченныхъ власахъ,
На мнѣ, я чую, тяготѣтъ
Вчерашній зной, вчерашній прахъ.
О, какъ произительны и дики,
Какъ ненавистны для меня
Сей шумъ, движенья, говоръ, клики
Младого, пламенного дня!
О, какъ лучи его багровы,
Какъ жгутъ они мои глаза!
Ночь, ночь, о, гдѣ твои покровы,
Твой тихій сумракъ и роса!

Свѣтъ и сумракъ, зной и свѣжесть,—это на тысячи ладовъ повторяется. Недоступный сумракъ, чтобы сдѣлать свѣтъ ослѣпительнѣй; недоступная свѣжесть, чтобы сдѣлать зной нестерпимѣе.

Ужъ солнца раскаленный шаръ
Съ главы своей земля скатила...
Грудь дышетъ легче и вольнѣй,
Освобожденная отъ зноя...
И сладкій трепеть, какъ струя,
По жиламъ пробѣжалъ природы,
Какъ бы горячихъ ногъ ея
Коснулись ключевыя воды.

Но выкатится снова раскаленный шаръ, и снова будетъ зной и бредъ. Вся природа, какъ умирающій отъ жажды, пьетъ студеную воду во снѣ, но жажда не утоляется.

Вѣчный зной, вѣчный бредъ. Ни освѣженья,
ни забвенья—только безпамятство:

Безпамятство, какъ Атласъ, давить сушу...

Безпамятство, безуміе—не только въ че-
ловѣкѣ, но и въ природѣ:

Тамъ, гдѣ съ землею обгорѣлой
Слился, какъ дымъ, небесный сводъ,
Тамъ, въ беззаботности веселой,
Безумье жалкое живетъ...
Подъ раскаленными лучами,
Зарывшись въ пламенныхъ пескахъ,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищетъ въ облакахъ.
То вспрынетъ вдругъ и, чуткимъ ухомъ
Припавъ къ растреснувшей землѣ,
Чему-то внемлетъ жаднымъ слухомъ
Съ довольствомъ тайнымъ на челѣ.
И мнить, что слышитъ струй кипѣнье,
Что слышитъ токъ подземныхъ водъ,
И колыбельное ихъ пѣнье,
И шумный изъ земли исходъ.

Но ни на небѣ, ни на землѣ нѣтъ водъ
утоляющихъ. «Пошли Лазаря, чтобы онъ
омочилъ конецъ перста своего въ водѣ и
прохладилъ языкъ мой, ибо я мучусь въ пла-
мени семъ». Никто не услышитъ этой моль-
бы, потому что и слышать некому.

Зло въ человѣкѣ, зло въ природѣ—и зло
на зло откликается: когда человѣкъ входитъ
въ природу, вся она въ смятеніи:

И мы вошли: все было такъ спокойно,
Все такъ отъ вѣка мирно и темно.
Фонтанъ журчалъ, недвижимо и стройно
Сосѣдній кипарисъ глядѣлъ въ окно.

Вдругъ все смутилось: судорожный трепеть
По вѣтвямъ кипариснымъ пробѣжалъ;
Фонтанъ замолкъ, и нѣкій чудный лепеть,
Какъ бы сквозь сонъ, невнятно прошепталъ...
Что это, другъ? Иль злая жизнь недаромъ,
Та жизнь—увы!—что въ насъ тогда текла,
Та злая жизнь съ ея мятежнымъ жаромъ
Черезъ порогъ завѣтный перешла?

Злая жизнь переходитъ изъ тѣла человѣ-
ческаго въ тѣло природы, какъ жаръ бо-
лѣзни, какъ зараза, чума. Пиръ жизни—
пиръ во время чумы. Кубокъ жизни отрав-
ленъ:

И дѣвы-розы пьемъ дыханье,
Быть можетъ, полное чумы.

Здѣсь уже въ Пушкинѣ—Тютчевѣ, въ са-
момъ здоровомъ—самый больной.

Жизнь природы кажется невинной, по
крайней мѣрѣ, невиннѣе, чѣмъ жизнь людей.
Но это обманъ.

Вчера, въ мечтахъ обворуженныхъ,
Съ послѣднимъ мѣсяца лучемъ
На вѣждахъ темно-озаренныхъ,
Ты позднимъ позабылась сномъ...
Но сквозь воздушный завѣсъ оконъ
Недолго лился мракъ ночной...
Вотъ тихоструйно, тиховѣйно,
Какъ вѣтеркомъ занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдругъ что-то порхнуло въ окно.
Вотъ невидимкой пробѣжало
По темно-брезжущимъ коврамъ;
Вотъ, ухватясь за одѣяло,
Взбираться стало по краямъ;
Вотъ, словно змѣйкой извиваясь,

Оно на ложе взобралось,
Вотъ, словно лента развѣваясь,
Межъ пологамъ развилось.
Вдругъ животрепетнымъ сіяньемъ
Коснувшись персей молодыхъ,
Румянымъ, громкимъ восклицаньемъ
Раскрыло шелкъ рѣсницъ твоихъ.

Что это? А вотъ что:

На небѣ полоса видна—
И словно *скрытой страстью рдѣя*,
Она все ярче, все живѣе,
Все разгорается она.

И у невинной дѣвушки—

Алѣли щеки, какъ заря,
Все ярче *рдѣя* и горя.

Это—рдѣніе страсти, огонь злой жизни.
Вотъ что крадется на ложе невинности.
Свѣтъ, какъ соблазнъ, какъ обольщеніе, ра-
стленіе Дѣвственницы - Ночи. Свѣтъ — зло,
свѣтъ—грѣхъ, свѣтъ—смерть, ибо «жало
грѣха—смерть». Не Богъ, а діаволь сказалъ:
да будетъ свѣтъ!

У Достоевскаго Свидригайлову снится
сонъ: мертвая дѣвочка встаетъ въ гробу и
тянется къ нему съ нечистою ласкою: такова
природа Тютчева.

И вотъ почему свѣтъ его — рдѣющій,
свѣтъ тлѣнія, сумеречный свѣтъ гніенія, раз-
ложенія, тусклый свѣтъ зарницъ:

Однѣ зарницы огневая,
Воспламеняясь чередой,
Какъ демоны-глухонѣмые,
Ведутъ бесѣду межъ собой.

Какъ по условленному знаку,
Вдругъ неба вспыхнетъ полоса...
И вотъ опять все потемнѣло,
Все стихло въ чуткой темнотѣ,
Какъ бы таинственное дѣло
Рѣшалось тамъ, на высотѣ.

И, когда еще нѣтъ грозы, по тому, какъ
рдѣютъ звѣзды, видно, что будетъ гроза.

Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ,
Какъ на небѣ звѣзды *рдѣютъ!*
Какъ подъ сумрачнымъ ихъ свѣтомъ
Нивы дремлющія зрѣютъ...

Колдовское небо заколдовываетъ землю
и плодъ земли, зрѣющій хлѣбъ: люди съѣ-
дятъ хлѣбъ и будутъ заколдованы, отрав-
лены. Такъ вотъ какое «таинственное дѣло»
рѣшается тамъ, на высотѣ: злое дѣло, злая
жизнь міра.

Но нѣтъ злѣе зла, чѣмъ то, что міръ лю-
битъ зло, космосъ любитъ хаосъ.

О, страшныхъ пѣсень сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимый!
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!

И добрый любитъ зло, и невинный лю-
битъ грѣхъ, и здоровый любитъ болѣзнь.

Люблю сей Божій гнѣвъ, люблю сіе незримо
Кругомъ разлитое, таинственное зло...

Да, можно и ее любить, лихорадку бо-
лотную, «Маларію».

«Люблю зло»,—это онъ первый сказалъ,
но не первый почувствовалъ.

Есть упоение въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!

Опять въ Пушкинѣ—Тютчевѣ, въ самомъ здоровомъ—самый больной.

Въ космосъ врывается хаосъ, какъ пѣна ревущихъ валовъ—въ нѣмая видѣнія спящаго на морѣ. Хаосъ вкрапленъ въ космосъ, и человѣкъ жадно ищетъ этихъ крапинъ, этихъ прорѣхъ въ златотканномъ покровѣ дня, сквозь которыя зіяетъ ночь,—и какъ радъ, когда ихъ найдетъ!

Вечеръ мгlistый и ненастный...
Чу! не жаворонка-ль гласъ?
Ты ли утра гость прекрасный,
Въ этотъ поздній, мертвый часъ?
Гибкій, рѣзвый, звучно-ясный,
Въ этотъ мертвый, поздній часъ.
Какъ безумья смѣхъ ужасный,
Онъ всю душу мнѣ потрясъ!

Такъ на безуміе природы откликается безуміе души человѣческой.

Или осенней порой—

Когда поля ужъ пусты, рощи голы,
Блѣднѣе небо, пасмурнѣе долы,—
Вдругъ вѣтръ повѣетъ, теплый и сырой,
Опавшій листъ погонитъ предъ собою
И душу мнѣ обдастъ какъ бы весною.

Или въ веселомъ грохотѣ лѣтнихъ бурь,
вдругъ—

...вся дубрава задрожитъ
Широколиственно и шумно...
И кой-гдѣ первый желтый листъ,
Крутясь, слетаетъ на дорогу.

И человѣкъ опять радъ: нашель-таки, чего искалъ,—въ цвѣтѣ жизни увяданіе, разрушеніе, тлѣніе,—родимое пятнышко хаоса.

Какъ увядающее мило!
Какая прелесть въ немъ для насъ!

Вотъ почему—

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть...
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ..
Ущербъ, изнеможенъе и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

Любовь къ страданію—любовь къ злу, къ разрушенію, къ хаосу.

Въ рдѣющей дымкѣ зноя—накопленіе грозы; въ каждомъ лучѣ полдня—зародышъ тьмы; въ каждомъ дыханіи космоса—зародышъ хаоса.

Въ душномъ воздухѣ молчанье,
Какъ предчувствіе грозы...
Дѣва, дѣва, что волнуешь?
Дымку персей молодыхъ?
Что мутится, что тоскуетъ
Влажный блескъ очей твоихъ
Что, блѣднѣя, замираетъ
Пламя дѣвственныхъ ланитъ?
Что такъ грудь твою спираетъ?

Что? А вот что:

И гробъ опущенъ ужъ въ могилу...
Спираетъ грудь тлетворный духъ.

Жаръ жизни—жаръ тлѣнія. Въ избыткѣ
жизни—сѣмя смерти. Грозовое—сладостраст-
ное; сладострастное—смертеносное.

Глаза, потупленные ницъ,
Въ минуты страстнаго лобзанья,
И сквозь опущенныхъ рѣсницъ
Угрюмый тусклый огонь желанья,—

эти глаза—то же, что небо, полное грозою:

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзались порою,
И сквозь бѣглый зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею.

Зѣницы хаоса: его огонь—въ любви и въ
грозѣ.

Любовь и ненависть, любовь и смерть,
любовь и убійство—«близнецы».

О, какъ убійственно мы любимъ!
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что сердцу нашему милѣй!

Жажда любви—жажда смерти, самоубійства.

И кто, въ избыткѣ ощущеній,
Когда кипитъ и стынетъ кровь,
Не вѣдалъ вашихъ искушеній,—
Самоубійство и любовь!

Жизнь—зло, жизнь—боль; чѣмъ живѣе,
тѣмъ злѣе, больнѣе. Бѣгство отъ зла, отъ
боли—бѣгство отъ жизни—смерть.

Подъ мнимою волею къ жизни скрывается
дѣйствительная воля къ смерти. Космосъ
взываетъ къ хаосу:

Дай вкусить уничтоженья,
Съ міромъ дремлющимъ смѣшай!

Природа — не дневная, призрачная, не
«міръ, какъ представленіе», а ночная, истин-
ная, «міръ, какъ воля»,—

Поочередно всѣхъ своихъ дѣтей,
Свершающихъ свой подвигъ бесполезный,
Равно привѣтствуетъ своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

Всѣ явленія міра взываютъ къ своимъ
тайнымъ сущностямъ—къ бурямъ воли, бу-
рямъ хаоса, какъ желтые листья—къ осен-
нимъ вѣтрамъ:

О буйные вѣтры,
Скорѣе, скорѣй,
Скорѣй насъ сорвите
Съ докучныхъ вѣтвей!
Сорвите, умчите,—
Мы ждать не хотимъ!
Летите, летите,—
Мы съ вами летимъ!

Весь міръ—полетъ къ смерти, къ небы-
тію. Всѣ явленія, всѣ образы, всѣ лики міра
плывутъ въ бездну роковую, какъ тающія
льдины въ океанъ:

Всѣ вмѣстѣ, малыя, большія,
Утративъ прежній образъ свой,

Всѣ безразличны, какъ стихія,
Сольются съ бездной роковой.
О, смертной мысли обольщенье,
Ты, человѣческое я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

Жизнь личности—только обольщеніе мысли, обманъ чувствъ, мимолетное видѣніе, подобное радугѣ:

Смотри—оно ужъ поблѣднѣло;
Еще минута, двѣ—и что жъ?
Ушло, какъ то уйдетъ всецѣло,
Чѣмъ ты и дышешь, и живешь.

Жизнь личности даже не дымъ, а только «тѣнь, бѣгущая отъ дыма».—«Мы смутно сознаемъ самихъ себя лишь грезой природы».—«Человѣкъ лишь снится самъ себѣ».

Начало космоса, порядка есть начало раздѣленія, различія (*principium individuationis*) начало личности; смерть—уничтоженіе космоса, уничтоженіе личности. Въ этомъ Тютчевъ не сомнѣвается, вѣрить въ это со странною легкостью:

Безслѣдно все, и такъ легко не быть...

Жадно вѣрить, потому что жадно хочетъ: ему ненужно безсмертія—ему нужна смерть.

Таково противорѣчіе, заключенное въ индивидуализмъ: отъ самоутвержденія—къ самоотрицанію личности. Потому-то индивидуализмъ и утверждаетъ личность во времени такъ отчаянно, что отрицаетъ ее же въ вѣчности такъ безнадежно; для того-то и

цѣпляется такъ судорожно за мнимую личность—«обольщеніе мысли», «обманъ чувствъ», чтобъ не сорваться въ пустоту безличнаго. А когда все-таки срывается, то утѣшаетъ себя: въ личности корень зла, корень страданія; я страдаю, потому что я—я; не будетъ меня—не будетъ страданія. И отсюда выводъ: слѣпую волю къ смерти надо сдѣлать зрячею—и міръ будетъ спасенъ, т. е. уничтоженъ. Таковъ послѣдній выводъ буддѣйской метафизики.

Въ началѣ:

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй,—

а въ концѣ:

О, смертной мысли обольщенье,
Ты, человѣческое я!

Въ началѣ:

По высямъ творенья, какъ Богъ, я шагаль,—

а въ концѣ:

Безслѣдно все, и такъ легко не быть.

Въ началѣ—самообожествленіе, а въ концѣ—самоистребленіе личности.

Таковъ заколдованный кругъ одиночества.

Тамъ, въ беззаботности веселой,
Безумье жалкое живетъ.

Это безуміе не только у Тютчева, но и у многихъ изъ насъ: онъ сказалъ—мы сдѣлали.

Индивидуализмъ приводитъ къ пантеизму, обожествленіе человѣческой личности — къ обезличенію Бога. Узнавъ по собственному опыту, какое ничтожество обожествленная личность, человѣкъ дѣлаетъ Бога безличнымъ, чтобы спасти Его отъ ничтожества.

Игра и жертва жизни частной,
Приди жь, отвергни чувствъ обманъ...
И жизни божески-всѣмїрной
Хотя на мигъ причастенъ будь!

Божески или дьявольски всѣмїрной,—это еще вопросъ. Вѣдь, если у Бога нѣтъ лица, то какъ отличить Бога отъ бѣса? Ночью всѣ кошки сѣры, въ пантеизмѣ всѣ боги—бѣсы.

Когда пробьетъ послѣдній часъ природы,—
Составъ частей разрушится земныхъ:
Все зримое опять покроютъ воды,
И Божій ликъ изобразится въ нихъ.

Божій ли? Хаосъ—не только въ началѣ, но и въ концѣ міра. Міръ, космосъ—только движеніе отъ хаоса къ хаосу,—кто повѣритъ, что такой міръ созданъ Богомъ, а не дьяволомъ?

Пантеизмъ—утвержденіе: Богъ все,—отъ атеизма — утвержденія: Богъ ничто, нѣтъ Бога,—отдѣляетъ одинъ волосокъ.

Природа — сфинксъ. И тѣмъ она вѣрнѣй
Своимъ искусомъ губить человѣка,
Что можетъ статья, никакой отъ вѣка
Загадки нѣтъ и не было у ней.

Никакой загадки, ни Божеской, ни дьявольской. Все ясно, все просто, все плоско.

Глухая тьма, глухая стѣна, о которую можно только разбить себѣ голову. И въ природѣ, такъ же какъ въ людяхъ, — «насилъе безмѣрной пошлости». Весь міръ — даже не дьяволовъ, а ничей водевиль—пустышка, гнилой орѣхъ или грибокъ-дождевикъ, который, если проткнуть его, разсыпается черною пылью. Нечего стремиться къ хаосу: міръ уже хаосъ; нечего жаждать смерти: жизнь уже смерть.

Кажется, отъ этого послѣдняго вывода Тютчевъ отшатнулся въ ужасъ и ухватился за христіанство, какъ утопающій за соломинку.

— «Надо преклониться передъ безуміемъ креста или все отрицать»,—сказалъ онъ однажды въ бесѣдѣ съ пріятелемъ.

О своемъ невѣрующемъ вѣкѣ говоритъ, какъ врачъ о больномъ:

Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесь выносить...
И сознаетъ свою гибель онъ
И жаждетъ вѣры, но о ней не проситъ.

Но у кого же просить, если природа—сфинксъ безъ загадки?

Лепечетъ мертвыми устами мертвые слова, въ которыя надо бы вѣрить, если бы вѣрилось:

Нѣтъ, увяданіе земное
Цвѣтовъ не тронетъ неземныхъ...

Передъ его же собственной силой отрицанія, какъ это холодно, какъ похоже на умную рѣчь сановитаго пастора:

И надъ могилою раскрытой
Ученый пасторъ сановитый
Рѣчь погребальную гласить:
Вѣщаетъ брѣнность человѣчью,
Грѣхопаденъе, кровь Христа...
И умною, пристойною рѣчью
Толпа различно занята.

Рѣчь умная, а все-таки—

Спираетъ грудь тлетворный духъ...

И вотъ, наконецъ, послѣднее признаніе:

И чувства нѣтъ въ твоихъ очахъ,
И правды нѣтъ въ твоихъ рѣчахъ,
И нѣтъ души въ тебѣ.
Мужайся, сердце, до конца:
И нѣтъ въ твореніи Творца,
И смысла нѣтъ въ мольбѣ!

Въ этомъ бездонномъ отчаяніи всего ужаснѣе то, что оно такое тихое, ясное: чѣмъ яснѣе, тѣмъ бездоннѣе.

По сравненію съ нигилизмомъ Тютчева, добрый, старый нигилизмъ русскихъ мальчиковъ по Молешотту и Бюхнеру—какая дѣтская шалость! Они, вѣдь, сами не знаютъ, о чемъ говорятъ, — цѣлятъ мимо. Тютчевъ знаетъ,—цѣлитъ вѣрно. Ихъ нигилизмъ плоскій; его—изъ глубины глубинъ. Онъ заглянулъ туда, куда почти никто не заглядывалъ. И вотъ, все-таки рѣшилъ: тамъ ничего нѣтъ, ни Бога, ни діавола.

И когда онъ это рѣшилъ, то лицо у него стало «страшное, темное, нечеловѣческое», какъ у того порченнаго, бѣсноватаго Якова.

— «Я его вижу...

— «Его? Кого его?

— «Да того... что къ ночи называть неудобно...

— «Да это тѣнь тебѣ мерещится... это чернота отъ тѣни»...

Чернота отъ тѣни легла на него и окружила его «паническимъ ужасомъ».

Бѣдный Тютчевъ! Бѣдные мы! Онъ только рассказалъ то, что происходитъ во многихъ изъ насъ. Вѣдь не онъ одинъ повстрѣчался въ лѣсу со «старичкомъ зеленымъ».

III

И вотъ, послѣ всего этого—христіаннѣйшая политика. Что за бессмыслица или что за безсовѣстность!

«Чтобы сдѣлать соусъ изъ зайца, нужно зайца»; чтобы сдѣлать христіанскую политику, нужно христіанство. А буддѣйскій нигилизмъ Тютчева такъ же похожъ на христіанство, какъ ціанистый кали на повареную соль.

Тютчевъ уменъ, и политика его неглупая; что же касается до совѣсти, то она менѣе всего въ политикѣ. И. С. Аксаковъ вѣрно замѣтилъ, что славянофильство Тютчева было «чѣмъ-то отвлеченнымъ, а не дѣломъ жизни».

Политика—игра. Изъ всѣхъ дѣтскихъ игръ—самая дѣтская; изъ всѣхъ «златотканыхъ покрововъ дня»—самый призрачный. Если жизнь—тѣнь, то политика—тѣнь тѣни; если жизнь—сонъ, то политика—сонъ во снѣ. Что же съ нея и спрашивать? Чѣмъ бы дитя не тѣшилось.

Какъ «игрѣ ума», должно ей отдать справедливость: златотканый покровъ лжи Тютчевъ ткеть изъ настоящаго или почти настоящаго золота. Это, конечно, не древне-византійскій и даже не древне-русскій подлинникъ, а поддѣлка. Но зато какое искусство въ поддѣлкѣ, какое варварское великолѣпіе красокъ! Все крестики да орлики, а между ними страшилища, которыя могли придти въ голову только утонченному варвару. Что варварство можетъ быть утонченнымъ, это онъ уже знаетъ: дряхлые византійскіе эллины любятъ юныхъ варваровъ, между прочимъ, и славянъ (тоже «славянофилы»), потому что отдыхаютъ отъ своихъ утонченій и пресыщеній на ихъ варварской дикости.

Но для тѣхъ, для кого политика не игра ума, а дѣло жизни,—византійская реставрація Тютчева—кощунство изъ кощунствъ, мерзость изъ мерзостей. Къ счастью, тѣ и не знаютъ ея,—къ счастью, а можетъ быть, и къ несчастію, потому что главная слабость русской общественности—слишкомъ легкое презрѣніе къ силамъ врага, убѣжденіе, что старый порядокъ въ Россіи держится только «штыками да пушками». Это самообманъ: какъ всякое умирающее, но все еще живое, тѣло, старый порядокъ держится духомъ живымъ, т. е. внутреннимъ ладомъ, строемъ, стилемъ жизни. Вотъ этотъ-то стиль, древне-русскій или византійскій, и выразилъ Тютчевъ въ точнѣйшей математической формулѣ.

Одно изъ свойствъ русскаго славянофильства—мягкотѣлость, безкостность, неумѣніе или нежеланіе доводить мысль до конца, договаривать, ставить точки на і, — свойство, которое дѣлаетъ славянофильство ни Богу свѣчкой, ни чорту кочергой.

Въ чемъ другомъ, а въ этомъ нельзя обвинять Тютчева: онъ вкладываетъ кости въ тѣло, ставитъ точки на і. У него беспощадная логика: стоитъ принять послышки, чтобы сдѣлать неизбѣжными выводы.

Сущность революціи — человѣческое я, ставящее себя на мѣсто Бога; «самовластіе человѣческаго я, возведенное на степень политическаго и соціальнаго права». Эта сущность—антихристіанская, «антихристова», ибо «антихристъ» и есть человѣкъ, поставившій себя на мѣсто Бога, «человѣкобогъ».

Таковы послышки, а вотъ и выводы.

Сущность Европейскаго Запада—революція, антихристіанство, т. е. ложь, а человѣческое общество, построенное на лжи, обречено на гибель.

«Будетъ ли Франція имѣть силу отречься отъ революціи и сдѣлаться снова христіанской и монархической?»—спрашиваетъ Тютчевъ въ 1870 г., наканунѣ Коммуны.—«Если нѣтъ,—рѣшаетъ онъ,—то гибель ея неизбѣжна». И не только гибель Франціи, но и всего Европейскаго Запада. «Западъ отходитъ, все рушится, все гибнетъ въ этомъ общемъ пожарѣ. Цивилизація убиваетъ себя своими собственными руками»,—предсказывалъ онъ еще въ 1848 г. И въ 1873 г., послѣ Коммуны:

«что-то въ родѣ размягченія мозга у цѣлой націи... Состояніе близкое къ идиотизму... Судорога бѣшенства овладѣла Европою... Цѣлый міръ сталъ воплощенной ложью»... Последнее слово Запада—«слово Іуды, который, предавъ Христа, очень умно разсудилъ, что ему остается одно: удавиться».

Всѣ вообще славянофилы ненавидятъ Западъ, можетъ быть, не менѣе Тютчева, но стыдятся, робѣютъ и сами не знаютъ, что дѣлаютъ, когда съ медвѣжьей ловкостью сгоняютъ муху со лба спящаго друга булыжникомъ. Тютчевъ знаетъ. Правда, это для него только «игра ума»; но что для него игра, то для другихъ дѣло. Всѣ мысли Достоевскаго о «человѣкобожествѣ» революціи—почти дословное повтореніе Тютчева.

Люди стыдливо скрываютъ тайну своего зачатія и рожденія: такъ славянофилы скрываютъ ненависть къ Западу, изъ которой они родились. Тютчевъ обнажилъ этотъ стыдъ, и, если нагота оказалась чудовищной, то вина не его, а русскаго стиля, «русскаго духа».

Таковъ стыдъ славянофильства, обращенный къ Западу, а вотъ и другой стыдъ, обращенный къ Россіи:

Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

Христось благословилъ Россію, а всѣ
остальные народы проклялъ.

Въ мірѣ только двѣ силы: Россія и революція. «Между тою и другою не можетъ быть ни договоровъ, ни сдѣлокъ: что для одной жизнь, то для другой смерть. Отъ исхода борьбы зависитъ вся будущность человечества... Надъ громаднымъ крушеніемъ Запада всплываетъ еще болѣе громадная Русская Держава святымъ ковчегомъ... Кто дерзнетъ усомниться въ ея призваніи?»

Не вѣрь въ святую Русь, кто хочетъ,—
Лишь вѣрь она себѣ самой!

«Ну вотъ, мы въ схваткѣ со всею Европою (въ 1854 г., наканунѣ Севастополя). Это заговоръ. Въ исторіи не бывало примѣровъ гнусности, замышленной и совершенной въ такомъ объемѣ»... Ополченіе Европы—ополченіе безбожія противъ Россіи, самого «антихриста» противъ Христа:

Всѣ богохульные умы,
Всѣ богомерзкіе народы
Со дна воздвиглись царства тьмы.

«Дѣло идетъ о послѣдней борьбѣ всего Запада съ Россіей. Очень возможно, что Россія погибнетъ. Но, если бы случилось, что погибнетъ не она, то уже не съ Россіей придется имѣть дѣло Западу, а съ чѣмъ-то исполненнымъ и окончательнымъ, чему еще нѣтъ имени въ исторіи». Предсказаніе Наполеона на Св. Еленѣ: «черезъ 50 лѣтъ Европа будетъ революціонною или казацкою (т. е. русскою)»,—уже исполняется.

Революція и Россія—«море и утесъ». Волны бьютъ объ утесъ—разбиваются, и, рано или поздно, присмирѣютъ окончательно.

И безъ вою, и безъ бою,
Подъ гигантскою пятою
Вновь уляжется волна.

Или какъ Хомяковъ предсказывалъ:

И другой странѣ смиренной
Богъ отдастъ судьбу вселенной
Мечъ земли и громъ небесъ.

Отъ такого смиренія самъ діаволь не отказался бы.

Иногда кажется, что Тютчевъ смѣется. Но нѣтъ, не смѣется, а только усмѣхается, радуясь великолѣпнымъ страшилищамъ.

Всего безстыднѣе открываетъ онъ наготу славянофильства тамъ, гдѣ оно всего стыдливѣе,—въ вопросѣ о религіозномъ смыслѣ самодержавія.

«Верховная власть народа (la souveraineté du peuple) есть по существу своему идея антихристіанская». Верховная власть народа и власть царя исключаютъ другъ друга.—А какъ же 1612 годъ (т. е. избраніе на царство Романовыхъ)?—спрашиваетъ Хомяковъ. Вопросъ имѣлъ бы смыслъ для Тютчева, если бы царская власть была только мірскою: такая власть, дѣйствительно, зависитъ отъ избранія народнаго. Но власть царя и мір-

ская, и церковная вмѣстѣ—власть отъ Бога, помазаніе Божіе; царь не только царь, глава государства, но и первосвященникъ, глава церкви, намѣстникъ Христа, папа, хотя и обратный, потому что въ Римѣ церковь становится государствомъ, а въ Россіи государство—церковью.

Въ этой противоположности двухъ теократій, восточной и западной, заключается главная мысль Достоевскаго, который идетъ дальше всѣхъ славянофиловъ; но и онъ до конца не доходитъ. Тютчевъ дошелъ до конца.

О, будь же, царь, прославленъ и хранимъ,
Но не какъ царь, а какъ *намѣстникъ Бога*,

т. е. какъ папа Третьяго Русскаго Рима.

Онъ божествомъ себя провозгласилъ;
О новомъ Богочеловѣкѣ
Вдругъ притча родилась и въ міръ вошла,—

могъ бы сказать Тютчевъ о папѣ не только Перваго, но и Третьяго Рима.

«На російскомъ престолѣ находится государь, въ которомъ воплотилась русская мысль», т. е. мысль о царѣ, какъ о первосвященникѣ. Въ 1846 году императоръ Николай I посѣтилъ Римъ, былъ въ соборѣ Св. Петра и молился у гроба апостоловъ. «Колѣнопреклоненный царь былъ не одинъ,—говоритъ Тютчевъ:—вся Россія была тамъ, склоняя колѣна вмѣстѣ съ нимъ. Будемъ же надѣяться, что не напрасно вознеслась ея молитва передъ святыми останками» («Папа и римскій вопросъ», 1849 г.).

Между тѣмъ какъ новые славянофилы (Булгаковъ, Бердяевъ, Эрнъ, Флоренскій и всѣ вообще «Вѣховцы») косноязычно мямлятъ,—Тютчевъ говоритъ ясно и отчетливо: самодержавіе съ православіемъ связаны, какъ внѣшность и внутренность, форма и содержаніе, тѣло и духъ. Самодержавіе—Апокалипсисъ православія; православіе въ самодержавіи исполняется. Разорвать ихъ значитъ убить.

И, наконецъ, послѣдній выводъ—русская всемірная имперія.

«Нельзя отвергать христіанскую имперію, не отвергая христіанской церкви. Онѣ ободны (corrélatifs). Церковь, освящая имперію, ее себѣ приобщила и сдѣлала ее окончательною (абсолютною)». Единая вселенская церковь—единая вселенская имперія.

Ея возстановленію должны содѣйствовать два великихъ дѣла: въ области свѣтской—образованіе Греко-Славянской имперіи; въ области духовной — воссоединеніе церквей, или, вѣрнѣе, поглощеніе западной церкви восточною.

«Имперія существовала всегда, только мѣняла властителей. Четыре имперіи: Ассирійская, Персидская, Македонская, Римская. Съ Константина Равноапостольнаго начинается пятая, окончательная—христіанская. Ея завершеніе—Россія
. Не замыкается ли здѣсь поэзія съ политикой въ одинъ заколдованный кругъ? Не такъ же ли и здѣсь воля космоса къ хаосу?»

О, страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимый!

И лицо самого колдуна не становится ли снова «темнымъ, страшнымъ, нечеловѣческимъ»?

Всемирная монархія, на самомъ дѣлѣ, не послѣдній, а только предпослѣдній выводъ: несмотря на всю свою логику, послѣдняго вывода Тютчевъ такъ и не дѣлаетъ.

«Римъ счелъ себя въ правѣ устроить царство Христово, какъ царство отъ міра сего».

И святотатственной опекой
Христова церковь предана была...

«Развѣ присваивать себѣ божественное не значитъ отрицать его?»

Свершится казнь въ отступническомъ Римѣ
Надъ лженамѣстникомъ Христа...
Не отъ меча погибнетъ онъ земного,
Мечемъ земнымъ владѣвшій столько лѣтъ,—
Его погубитъ роковое слово:
«Свобода совѣсти, есть бредъ».

Свобода—бредъ,—но вѣдь это и есть основная посылка Тютчева, изъ которой онъ дѣлаетъ всѣ свои выводы. Духъ свободы, духъ революціи—«антихристовъ духъ».

Византійская реставрація Тютчева, эта драгоценная ткань оказалась непригодною для русской политики: дѣло обошлось дешевле. Но на полинялой тряпицѣ современнаго націонализма, если всмотрѣться въ него,—можно узнать тотъ же узоръ—«орлики

да крестики», какъ на златотканной ризѣ Тютчева

Въ 1855 г., во время коронаціи Александра II, въ Москвѣ, глядя съ первой площадки Ивана Великаго на толпу, ожидавшую царскаго выхода, Тютчевъ испытывалъ странное чувство: ему казалось, что прошли вѣка, и «судъ Божій совершился, Великая Имперія основалась».—«Она вступала въ свое безконечное поприще тамъ, въ странахъ иныхъ, подъ солнцемъ болѣе яркимъ, ближе къ дувеніямъ юга и Средиземнаго моря. Новыя поколѣнія овладѣли міромъ... и едва помнили о той тѣсной тьмѣ, въ которой мы теперь обитаемъ... И тогда все это Кремлевское зрѣлище, при которомъ я присутствовалъ, эта толпа, такъ мало подозрѣвающая, что виситъ надъ нею въ будущемъ, давящая другъ друга, чтобъ только увидѣть царя,—все это показалось мнѣ какимъ-то видѣніемъ, далекаго прошлаго, а люди, что около меня двигались, какъ будто уже давно исчезли съ лица земли. Я вдругъ почувствовалъ себя современниковъ правнуковъ...»

Казалось бы, радоваться? Но вотъ, вмѣсто радости—тоска...

Что это значитъ? Или свѣтъ вѣчности—такой же болѣзненный, какъ свѣтъ смертнаго дня.

О, какъ лучи его багровы!
Какъ жгутъ они мои глаза!

Какъ бы то ни было, но лгать онъ больше не могъ.

«Я сдѣлалъ то, что было свойственно моей природѣ: я убѣжалъ изъ церкви и, одинокій, вернулся прямою дорогою въ мою комнату, къ моему шлафроку и къ моему завтраку». Къ Обломовскому шлафроку и завтраку.

«Убѣжалъ изъ церкви», какъ «порченный» Яковъ, сынъ о. Алексѣя.

Этимъ и кончилась его политика. Жизнь народовъ, жизнь всѣхъ—такое же ничтожество, какъ жизнь cadaго челоѣка въ отдѣльности,—тѣнь тѣни, сонъ во снѣ.

Безслѣдно все, и такъ легко не быть.

Вернулся въ молчаніе, въ уединеніе. И оглядываясь на свою жалкую попытку подойти къ людямъ, могъ бы осудить себя снова страшнымъ судомъ:

И чувства нѣтъ въ твоихъ очахъ,
И правды нѣтъ въ твоихъ рѣчахъ,
И нѣтъ души въ тебѣ.
Мужайся, сердце, до конца:
И нѣтъ въ твореніи Творца,
И смысла нѣтъ въ мольбѣ!

Какъ такая политика соединяется съ такимъ нигилизмомъ? Этотъ вопросъ надо повернуть обратно: какъ такой нигилизмъ могъ бы соединиться съ иною политикой?

Нигилизмъ Тютчева вскрываетъ самую сущность того, что выдается и по сей день за русскій стиль, за русскій духъ. Тютчевъ не лучше и не хуже другихъ славянофиловъ: онъ только правдивѣе всѣхъ.

IV

Правдивость—оправданіе поэта: вѣдь, поэзія не что иное, какъ высшая степень правдивости.

Самой страшной и жалкой правды о себѣ никто никогда не высказывалъ безжалостнѣе, безстрашнѣе Тютчева. Можетъ быть, эта послѣдняя правдивость—отъ послѣдняго одиночества. Есть такія признанія, которыхъ люди не дѣлаютъ не только другимъ, но и себѣ. Тютчевъ ихъ дѣлаетъ, потому что не боится быть подслушаннымъ: онъ всегда одинъ, безконечно далекъ отъ людей, невидимъ для нихъ, какъ «дневная звѣзда».

Когда челоѣкъ одинъ, то молчитъ или говоритъ съ самимъ собою беззвучнымъ, внутреннимъ шопотомъ. Слова Тютчева—такой шопоть: они менѣе всѣхъ челоѣческихъ словъ нарушаютъ молчаніе.

Поэтъ можетъ знать правду о себѣ, не зная правды о людяхъ, о мірѣ, о Богѣ; знать правду личную, не зная правды общей. Такова поэзія Тютчева.

Только разъ въ жизни прикоснулся онъ къ общей правдѣ — въ любви. Уже почти

старикомъ онъ полюбилъ молодую дѣвушку.

«Читая его дышащія страстью письма, отказываешься вѣрить, что они не вышли изъ-подъ пера впервые полюбившаго 25-лѣтняго юноши»,—говоритъ лицо, близко знавшее Тютчева.

Пускай скудѣетъ въ жилахъ кровь,
Но въ сердцѣ не скудѣетъ нѣжность...
О, ты послѣдняя любовь,
Ты и блаженство, и безнадежность!

Мы почти ничего не знаемъ объ этой любви; намъ осталось отъ нея только нѣсколько пѣсенъ, ни съ чѣмъ несравнимыхъ въ русской, а можетъ быть, и во всемирной поэзіи.

Онъ пожертвовалъ любви семейнымъ счастьемъ, добрымъ именемъ, успѣхомъ въ жизни, а главное, тѣмъ покоемъ, которымъ больше всего дорожилъ. И не только собою, но и ею, любимой. «Былъ палачемъ и жертвою вмѣстѣ»,—говоритъ тотъ же свидѣтель. Любя, убивалъ.

О, какъ убійственно мы любимъ!

Это длилось 14 лѣтъ, до самой ея смерти.

Весь день она лежала въ забытьи,
И всю ее ужъ тѣни покрывали;
Лилъ теплый дождь, его струи
По листьямъ весело звучали.
И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться къ шуму,
И долго слушала—увлечена,
Погружена въ сознательную думу.

И вотъ, какъ бы бесѣдуя съ собой,
Сознательно она проговорила
(Я былъ при ней, убитый, но живой):
«О, какъ все это я любила!»

Вотъ, когда онъ вышелъ изъ созерцанія въ дѣйствіе, потому что любовь и есть главное дѣйствіе, дѣло жизни; вотъ когда понялъ или, по крайней мѣрѣ, могъ бы понять, что правда молчанія, уединенія—

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй, —

еще не послѣдняя.

На стонъ умирающей:

«О, какъ все это я любила!»

почему не отвѣтилъ:

Безслѣдно все, и такъ легко не быть?

Не быть—не любить: только нелюбящій можетъ принять смерть, какъ небытіе. Любящій любитъ живое лицо любимаго. Любовь есть воля къ бессмертью личности.

Вотъ бреду я по большой дорогѣ,
Въ тихомъ свѣтѣ гаснущаго дня.
Тяжело мнѣ, замираютъ ноги...
Другъ мой милый, видишь ли меня?

Если конецъ жизни—конецъ всего, то и спрашивать нечего.

Смерть—освобожденіе отъ муки жизни: такъ—въ созерцаніи, въ недѣланіи, а какъ доходитъ до дѣла, сердце хочетъ муки, потому что хочетъ любви:

О, Господи, дай жгучаго страданья
И мертвенность души моей разсѣй!
Ты взялъ ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мнѣ оставь по ней!

Да, Тютчевъ могъ бы спастись любовью и, если не спасся, то былъ уже на краю спасенья. Но не понялъ этого,—не понялъ и погибъ или думалъ, что гибнетъ.

«Мое душевное состояніе ужасно. Я изнываю въ темной, бездонной пропасти. Смысл моей жизни утраченъ, и для меня ничего болѣе не существуетъ»,—писалъ онъ въ эти дни.

«Когда Тютчевъ вернулся изъ Ниццы въ Парижъ, мы, чтобы переговорить, зашли въ кафэ на бульварѣ и, спросивъ себѣ изъ приличія мороженаго, сѣли подъ трельяжемъ изъ плюща. Я молчалъ все время, а Тютчевъ болѣзненнымъ голосомъ говорилъ, и грудь его сорочки подъ конецъ разсказа оказалась промокшей отъ падавшихъ на нее слезъ». (Разсказъ И. С. Тургенева въ «Воспоминаніяхъ» Фета).

На «Молчаніе», *Silentium*, на всю жизнь и поэзію Тютчева лучшей отвѣтъ—эти слезы.

Въ концѣ 1872 года онъ заболѣлъ. Какъ всѣ одинокіе, боялся остаться одинъ и жался къ людямъ. Несмотря на предостереженія врачей, уже совсѣмъ больной, продолжалъ свою свѣтскую жизнь. 1-го января 1873 года вышелъ по-утру изъ дому для новогоднихъ визитовъ. Вскорѣ привезли его домой, разбитаго параличемъ.

«Прикованный къ постели, съ ноющею и сверлящею болью въ мозгу, не имѣя возмож-

ности ни приподняться, ни перевернуться, безъ чужой помощи, голосомъ едва внятнымъ онъ требовалъ, чтобы ему сообщали всѣ политическія и литературныя новости. Порывался встать на ноги, вернуть себѣ свободу движеній, выйти на вольный воздухъ, но изнеможенный отъ напрасныхъ усилій, падалъ въ обморокъ» (Аксаковъ).

Жизнь, какъ подстрѣленная птица,
Подняться хочетъ и не можетъ.

11 іюня сдѣлался новый припадокъ: его внезапно охватили судороги и смѣнились оцѣпенѣніемъ. Всѣ думали, что онъ умираетъ; «но недвижимый, почти бездыханный, онъ сохранилъ сознаніе». И, когда черезъ нѣсколько часовъ оцѣпенѣніе миновало, онъ произнесъ чуть слышнымъ голосомъ:

— «Какія послѣднія политическія извѣстія?»

Большую часть дня лежалъ, какъ бы въ забытѣе или полуснѣ, какъ тотъ созерцающій лебедь,—

Скользя между двойною бездной.

— «Er horcht, er denkt» (онъ слушаетъ, онъ думаетъ),—замѣчалъ докторъ.

«Вокругъ него велись рѣчи его домашними, но онъ молчалъ».

Какова жизнь, такова и смерть: въ молчаніи жилъ, въ молчаніи умеръ.

Черезъ 9 дней припадокъ повторился; теперь уже никто не сомнѣвался, что онъ умираетъ.

раетъ. Священникъ прочелъ надъ нимъ отходную. Но черезъ полъ-дня умирающій ожилъ, а когда его стали поздравлять и обнадеживать, онъ только усмѣхнулся:

— «А, вѣдь, меня уже отпѣли»...

И тотчасъ прибавилъ:

— «Какія получены подробности о взятіи Хивы?»

Все еще старался удержать надъ бездною ночи «покровъ дня».

Но меркнетъ день, настала ночь;
Пришла—и съ міра рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвавъ, отбрасываетъ прочь...

Доктора увѣряли, что ему остается жить день-два, но онъ прожилъ еще три недѣли. И все молчалъ.

Раннимъ утромъ, 15 іюля, лицо его приняло внезапно выраженіе какого-то торжественнаго ужаса; «глаза широко раскрылись, какъ бы вперились вдаль; онъ не могъ ни шевельнуться, ни вымолвить слова,—казалось, весь уже умеръ. Но никогда лицо его такъ не свѣтилось мыслью, какъ въ этотъ мигъ»,—разсказывали потомъ присутствовавшіе при его кончинѣ. — «Просіялъ и погасъ»,—увѣряетъ Аксаковъ.

Какъ погасъ, мы видѣли; но какъ просіялъ, не видимъ. Его судьба—наша: если онъ просіялъ, то и мы тоже; но просіаемъ ли, это еще вопросъ.

Во всякомъ случаѣ, то въ чемъ видитъ Аксаковъ спасеніе Тютчева,—его правосла-

віе—сомнительно. Недаромъ усмѣхается онъ въ такую минуту, когда люди вообще не смѣются.

— А, вѣдь, меня уже отпѣли...

Это отпѣваніе—не пѣніе ли жаворонка въ тотъ вечеръ мгlistый и ненастный, въ поздній, мертвый часъ?

Какъ безумья смѣхъ ужасный,
Онъ всю душу мнѣ потрясъ...

Нѣтъ, чѣмъ бы не спасся онъ,—только не этимъ.

— «Не хочу я вѣрить, чтобы Господь сталъ судить его Своимъ строгимъ судомъ»,—говоритъ о. Алексѣй о своемъ погибшемъ сынѣ.

Мы видѣли гибель Тютчева здѣсь, на землѣ; чтобы увидѣть его спасеніе въ вѣчности, намъ нужно понять, что соединяетъ его съ существомъ, наиболее противоположнымъ и подобнымъ ему, быть можетъ, не только здѣсь, но и въ вѣчности,—съ Некрасовымъ.

V

Лѣтъ шесть назадъ, около 1907—8 года, въ Парижѣ, зайдя къ одному русскому эмигранту, будущему автору «Коня Блѣднаго», Ропшину, я увидѣлъ у него на столѣ маленькую знакомую книжку, «Стихотворенія» Тютчева, и удивился, огорчился: какъ, неужели и здѣсь та же зараза, отъ которой я бѣжалъ изъ Россіи?

Но скоро я понялъ, что это не такъ: не для отвлеченной эстетики, не для созерцанія, а для дѣйствія, для дѣла жизни, все для того же дѣла общественнаго, нуженъ былъ Тютчевъ автору «Коня Блѣднаго», точно такъ же какъ Некрасовъ нуженъ былъ тому поколѣнію, изъ котораго вышли народовольцы 70-хъ годовъ.

Тютчевъ—боль, но боль можетъ быть ростомъ; Тютчевъ—ядъ, но ядъ можетъ быть лѣкарствомъ. Я понялъ, что Ропшинъ растеть и лѣчится Тютчевымъ; растеть изъ Некрасова, какъ изъ дѣтскихъ одеждъ, и лѣчится отъ Некрасова, какъ отъ дѣтской болѣзни. Я понялъ, что Ропшинъ тянется къ

Тютчеву, точно такъ же, какъ Некрасовъ нѣкогда тянулся къ нему.

Некрасовъ—поэтъ общественности, Тютчевъ—поэтъ личности. Но правда личности—такая же вѣчная, какъ правда общественности. То, что я—я, такъ же таинственно, божественно, какъ и то, что всѣ—всѣ, другое великое Я—народъ, человѣчество, общество. Индивидуализмъ, анархизмъ такъ же вѣченъ и не полонъ, какъ социализмъ. Я могу жертвовать собою для всѣхъ, но всѣ не могутъ мною жертвовать. Я одинъ, единственный—такая же цѣнность для всѣхъ, какъ всѣ для меня. Міръ погибнетъ, а все-таки я—я, не только во времени, но и въ вѣчности. Я себя не отъ людей принялъ и не людямъ отдамъ.

So bin ich ewig, denn ich bin!

И такъ, я вѣченъ, потому что есмь!

(«Прометей», Гёте).

Вотъ эту-то правду личности, правду одного, единственнаго (индивидуализмъ-анархизмъ), противопоставленную правдѣ всѣхъ, правдѣ общественной (социализму), Некрасовъ лишь смутно предчувствовалъ, но не сознавалъ.

Ее создало или уже почти сознаетъ поколѣніе, изъ котораго вышелъ авторъ «Коня Блѣднаго». За этою правдой оно и потянулось къ Тютчеву.

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй,—

правду молчанія, уединенія Ропшину надо было принять, чтобы противопоставить иной

правдѣ, именно здѣсь, въ самомъ остріѣ двухъ правдѣ—въ вопросѣ о революціонномъ насильи, убійствѣ, террорѣ: «нельзя и надо убить».

Поколѣніе Ропшина не только услышало зовъ Некрасова, но и пошло на зовъ:

Отъ ликующихъ, праздно-болтающихъ,
Обагрющихъ руки въ крови
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!

Но вотъ и любящіе обагрятъ руки въ крови; любя, ненавидятъ; любя, убиваютъ.

О, какъ убійственно мы любимъ!

Въ видѣніи «Коня Блѣднаго» Некрасовъ и Тютчевъ соприкасаются, какъ два грозovýchъ тока въ молніи.

О, бурь уснувшихъ не буди,
Подъ ними хаосъ шевелится!

—это можно сказать не только о буряхъ пола, буряхъ личности, но и о буряхъ общест-венности.

Хаосъ отвѣтилъ хаосу, терроръ пола и личности—террору общественному. Отъ убійства къ самоубійству, отъ убійственнаго соединенія къ самоубійственному уединенію—таковъ нашъ путь.

Одинъ ли Тютчевъ—«порченный», «сглаженный»? Нѣтъ, не одинъ. Ко многимъ пришелъ «тотъ, кого къ ночи называть неудобно», съ лицомъ Азефа-provокатора; на мно-

гихъ легла «чернота тѣни» и окружила ихъ «паническимъ ужасомъ».

Неправда личная, зло міровое заслоняется отъ Некрасова неправдой общественной, зломъ человѣческимъ; отъ Тютчева—наоборотъ, неправда общественная—зломъ личнымъ и космическимъ. Некрасовъ не видитъ смерти за жизнью; Тютчевъ не видитъ жизни за смертью.

Но Некрасовъ понялъ Тютчева, хотя бы только предчувственно, безсознательно, ибо «многое можно знать безсознательно» (Достоевскій). А Тютчевъ не понялъ Некрасова. Вотъ почему сейчасъ, но, можетъ быть, именно только сейчасъ, Некрасовъ намъ ближе, нужнѣе, современнѣе Тютчева.

Къ Некрасову мы были неправы въ нашемъ декадентствѣ вчерашнемъ; будемъ же неправы и къ Тютчеву въ нашей сегодняшней общественности, чтобы возстановить правоту послѣднюю, понять и соединить обоихъ.

И вотъ почему изъ подземной пещеры Тютчевской Музы, Аэндорской волшебницы, гдѣ нашептано, накурено, наколдовано такъ «тихоструйно, тиховѣйно, дымно-легко, мглисто-лилейно», мы выходимъ съ такою отрадою на вольный воздухъ, на Божій свѣтъ, хотя и на будничнѣй, сѣренькѣй день—«понедѣльникъ» Некрасова.

Сѣйте, разумное, доброе, вѣчное!

—это обыкновенно, однозвучно, какъ шелестъ осенней капли или чуть слышный ше-

лестъ слезъ людскихъ, но зато нужнѣе сей-
часъ,—нужнѣе, добрѣе, святѣе, а значитъ, и
прекраснѣе, чѣмъ тѣ заклинанія волшебныя.

Некрасовъ погибалъ со всѣми, Тютчевъ—
одинъ. Но оба могли бы сказать, какъ Не-
красовъ умирающій: «ничего не понимаю,
что со мною дѣлается!» И мы всѣ, погибая
въ зломъ соединеніи, въ безличной обще-
ственности, съ Некрасовымъ, — въ зломъ
удиненіи, въ безобщественной личности, съ
Тютчевымъ, могли бы сказать: ничего не
понимаемъ, что съ нами дѣлается!

И если погибнемъ, то гибель наша будетъ
здѣсь, въ пропасти между Некрасовымъ и
Тютчевымъ; а единственный путь спасенія—
мость, соединяющій оба края пропасти.

Тютчевъ и Некрасовъ—двойники проти-
воположные. Что противоположны, видятъ
всѣ; что двойники,—никто. А стоитъ вгля-
дѣться, чтобы увидѣть.

Некрасовъ весь въ безсознательномъ дѣй-
ствіи; Тютчевъ—въ созерцаніи бездѣйствен-
номъ. У Некрасова религіозное народниче-
ство революціонное, во имя Россіи будущей;
у Тютчева—консервативное, во имя Россіи
прошлой (славянофильство тоже «рели-
гіозное народничество», хотя и съ друго-
го конца).

О самомъ Некрасовѣ можно бы сказать
то же, что онъ сказалъ о Чернышевскомъ:

Его послалъ Богъ гнѣва и печали
Рабамъ земли напомнить о Христѣ.

О Христѣ—о свободѣ. А Тютчеву и Хри-
стосъ напоминаетъ о рабствѣ:

Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

Есть два рода людей. Одни вѣрятъ или
знаютъ (тутъ знаніе и вѣра одно и то же),
что, несмотря на всю неправду и зло міра,
онъ все-таки въ корнѣ добрѣ: «все добро
зѣло». А изъ вѣры въ добро—и воля къ
добру:

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное!

Это—христиане, не въ историческомъ вре-
менномъ, а въ метафизическомъ, вѣчномъ
смыслѣ, хотя бы они во Христа не вѣрили.

Другіе вѣрятъ или знаютъ, что міръ въ
корнѣ золь: «все зло зѣло», все къ худу.
Сколько ни сѣй доброе, вырастетъ злое.
Это—не-христиане, опять-таки въ смыслѣ вѣч-
номъ, хотя бы они во Христа и вѣрили.

Къ первому роду людей принадлежитъ
Некрасовъ, ко второму—Тютчевъ. Некрасовъ
извнѣ атеистъ, внутри вѣрующій; Тютчевъ
извнѣ вѣрующій, внутри атеистъ.

Но, какъ ни противоположны они, а въ
какой-то одной точкѣ, именно здѣсь, въ вѣ-
рѣ, сходятся. Если бы Некрасовъ хотѣлъ, а
Тютчевъ могъ вѣрить, это была бы одна
вѣра.

Недаромъ понялъ Некрасовъ, только онъ
одинъ и понялъ Тютчева.

«Впечатлѣніе, какое испытываешь при

чтеніи этихъ стиховъ («Осенняго Вечера»), можно сравнить съ чувствомъ, какое овладѣваетъ человѣкомъ у постели молодой умирающей женщины, въ которую онъ былъ влюбленъ».

Да, Некрасовъ понялъ тайну Тютчева: вѣчную влюбленность, вѣчную женственность:

«О, какъ все это я любила!»

—говоритъ умирающая возлюбленная и умирающая Муза Тютчева. Уходя отъ земли, все еще любить землю:

Нѣтъ, моего къ тебѣ пристрастья
Я скрыть не въ силахъ, мать-земля!

—говоритъ Тютчевъ, и могъ бы сказать и Некрасовъ.

Ты, ты, мое земное Провидѣніе!

—кому и къмъ это сказано, возлюбленной—Тютчевымъ или матери—Некрасовымъ? Земль-Возлюбленной или Земль-Матери?

Оба вѣрятъ въ землю, оба любятъ землю. Но земля Некрасова — родная, дневная, здѣшняя:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа,—

та самая, которую такъ хотѣлъ и не могъ полюбить Тютчевъ. А земля Тютчева — чужая, ночная, нездѣшняя:

Край иной—родимый край.

Некрасовъ любить землю, какъ тѣло матери, Тютчевъ, — какъ тѣло возлюбленной. Вѣчная Мать—Вѣчная Возлюбленная. Одна —Земная, другая—Небесная. Сейчасъ ихъ двѣ, но будетъ одна: Небесная будетъ Земной.

Кто это? Что это? Оба не поняли.

Если бы Некрасовъ понялъ, что свобода есть Богъ; если бы Тютчевъ понялъ, что любовь есть Богъ, то соединились бы двѣ тайны русской поэзіи.

Оба не поняли. Отцы не поняли, дѣти не понимаютъ,—можетъ быть, внуки поймутъ?